

Том IV – 2015

У ПОДНОЖИЯ НЕБА

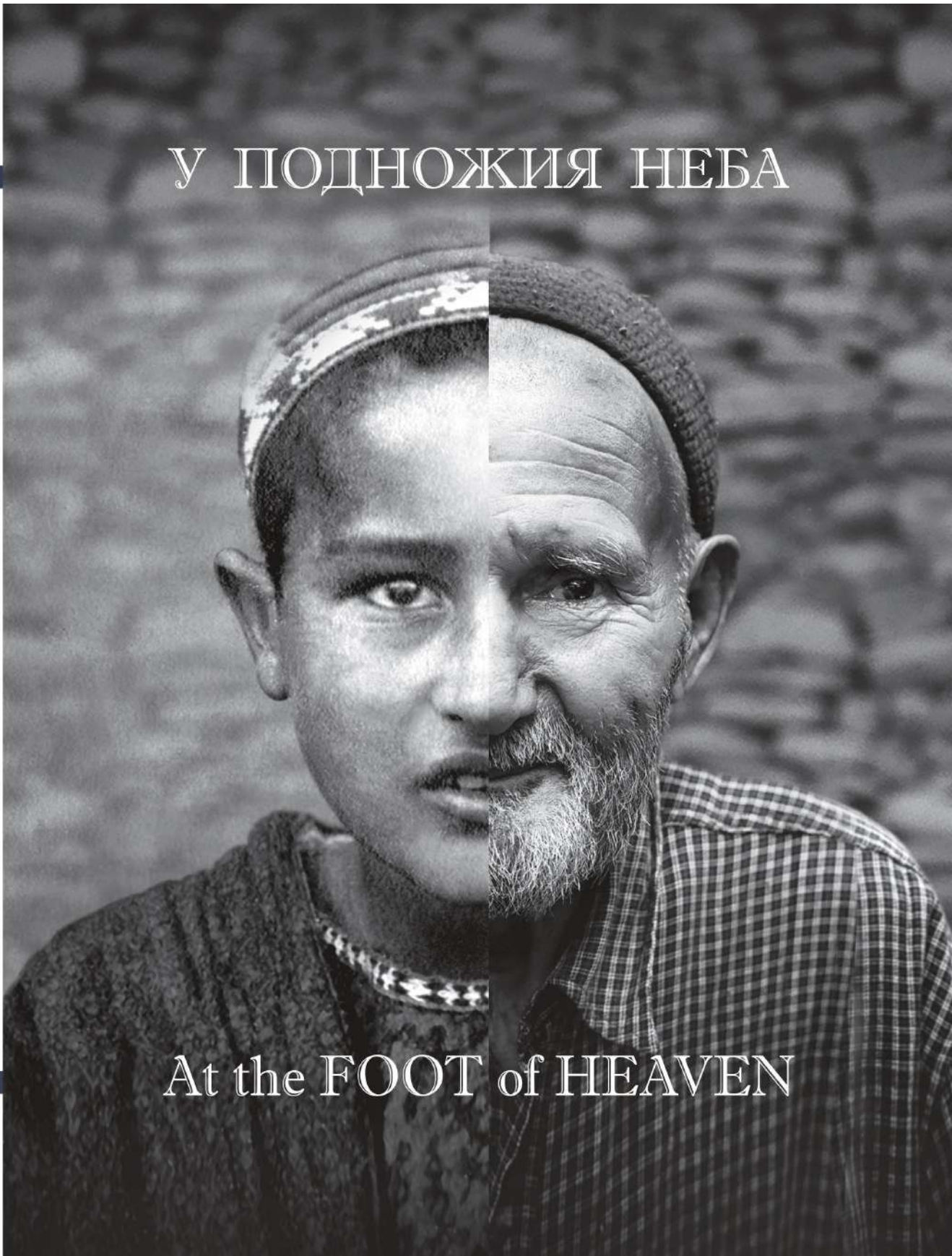
LAND of DIVERSITY

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Vol. IV – 2015

At the FOOT of HEAVEN

LAND of DIVERSITY

ТОН

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

У ПОДНОЖИЯ НЕБА At the FOOT of HEAVEN

Том IV / Volume IV – 2015

Овринги (карнизы) на реке Пяндж.
Фотография из альбома экспедиции
Б.Л. Громбчевского. 1889–1890

Ovringi ledges on the Pyanj River
Photograph from the expedition by
B.L. Grombchevsky. 1889–1890

Автор идеи и куратор проекта «Разная земля»:
С.С. Сардаров

Idea of the *Land of Diversity* Project originally put forward
by its Curator Sardar S. Sardarov

Организационная и финансовая поддержка проекта:
ООО «ТСН» (Техника специального назначения)

Organizational and financial support of the Project provided
by Special Purposes Machinery

Альбом «У подножия неба»
издается в рамках проекта «Разная земля».

At the Foot of Heaven
Album is published in the *Land of Diversity* Project

Концепция: Д.А. Баранов, В.А. Шорохов

Concept by Dmitry A. Baranov, Vladimir A. Shorokhov

Научный редактор: Д.А. Баранов

Scholarly Editorship by Dmitry A. Baranov

Авторы: Д.А. Баранов (предисловие),
В.А. Шорохов (статья, легенды, тексты,
подписи к фотографиям), Д.В. Овсянников (дневник)

Texts written by Dmitry A. Baranov (Foreword),
Vladimir A. Shorokhov (Essay, legends, texts and photograph
captions) and Dmitry V. Ovsyannikov (Expedition Journal)

Фотограф: А.Н. Онацко

Photographer: Aleksei N. Onatsko

Разработка маршрута экспедиции 2013 года:
В.А. Шорохов

2014 expedition route planning done
by Vladimir A. Shorokhov

Карты: В.А. Шорохов
Сканирование фотографий: Я.И. Андреева

Flyleaf map prepared by Vladimir A. Shorokhov
Photographs scanned by Iana I. Andreeva

Редактор: О.А. Федосеенко
Дизайн: Т.Е. Иванова

Russian text edited by Olga A. Fedoseenko
Design by Tatyana Ye. Ivanova

Перевод на английский язык:
Р.С. Смирнов, С.Р. Смирнов

Translated from the Russian by
Ruslan S. Smirnov and Stanislav R. Smirnov

Редактор текста на английском языке:
Е.С. Петрова

Edited by Elena S. Petrova

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2015
© С.С. Сардаров, идея проекта, 2015
© В.А. Шорохов, тексты, 2015
© А.Н. Онацко, фотографии, 2015
© АО «Славия», Санкт-Петербург, 2015

© Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, 2015
© S.S. Sardarov, Project Idea, 2015
© V.A. Shorokhov, Texts, 2015
© A.N. Onatsko, Photographs, 2015
© Slavia, St. Petersburg, 2015

ISBN 978-5-9501-0240-0

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Д.А. Баранов. ПРЕДИСЛОВИЕ	10
D.A. Baranov. FOREWORD	12
В.А. Шорохов. ОКРАИНА ТРЕХ ИМПЕРИЙ	17
V.A. Shorokhov. THE OUTSKIRTS OF THREE EMPIRES	23
ПАМИР. Экспедиция 1889–1890 годов	28
PAMIR. Expedition of 1889–1890	
ПАМИР. Карта маршрута экспедиции 2013 года	40
PAMIR. Route Map of the 2013 Expedition	
ОБЛАСТЬ ШУГНАН	45
SHUGNAN DISTRICT	
КУХ-И-ЛАЛ	113
KUKH-I-LAL	
ОБЛАСТЬ ВАХАН	121
WAKHAN DISTRICT	
ОБЛАСТЬ МУРГАБ	169
MURGHAB DISTRICT	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Альбом «У подножия неба» – очередное, четвертое издание, выполненное в рамках проекта «Разная земля», целью которого является создание визуальных образов культуры народов, живущих в разных природных и историко-культурных условиях, но объединенных одной общей чертой – удаленностью от центров современной цивилизации. В фокусе внимания – человек, осваивающий земные пространства, и тот культурный ландшафт, который он создал с помощью ремесел, промыслов, обрядовых практик и символической интерпретации окружающего мира.

Название «Разная земля» делает акцент на пространственном измерении культуры, которое предполагает путешествие, дающее возможность отстранения – увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего». Поэтому в основе проекта лежит этнографическая экспедиция. Самое интересное в полевых исследованиях – это изучение настоящего, в котором смыкаются прошлое, которого уже нет, и будущее, которого еще нет.

Главная цель проекта – пробуждение интереса к познанию себя и своей культуры, что возможно только через познание «другого» (по Лему, границы человека определяют Другие): прошлых исторических эпох, региональных и этнических традиций, социальных сообществ. Инициирование беспокойства и любопытства в душах людей, далеких от позывов к саморефлексии, является сверхзадачей проекта. Сложность заключается

в том, чтобы репрезентация иных культур стала интересной для всех, поэтому авторы старались избегать излишней «экзотизации» других культур – главное, чтобы в Другом человек увидел себя; именно это, по большому счету, и интересно. Перефразируя Германа Гессе, можно сказать, что, когда мы интересуемся кем-то, нам интересно в нем нечто такое, что есть в нас самих; то, чего нет в нас самих, нас не волнует.

Жанр альбома позволяет акцентировать внимание на наиболее ярких и запоминающихся образах культуры. Старые и современные фотографии с научными комментариями дают возможность каждому совершить путешествия во времени и пространстве, погрузиться в иные культурные контексты, а значит и отстраниться от обыденной повседневности, чтобы увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего».

Объектив фотоаппарата не делает запечатленные образы культуры объективными, поскольку сам процесс фотосъемки всегда есть результат выбора, обусловленного как общим культурным контекстом, так и тем, что наблюдаемая реальность проходит сквозь «фильтр» жизненного опыта, пристрастий, багажа знаний и других личностных характеристик наблюдателя. В этом смысле фотографии репрезентируют как запечатленные посредством камеры реалии другой культуры, так и культурно обусловленную оптику самого фотографа.

Первый альбом из серии «Разная земля» – «В поисках Беловодья», посвящен локальной культуре алтайских старообрядцев, визуальные образы которой представлены уникальными фотографическими коллекциями Российского этнографического музея первой трети XX века и современными фотографиями, сделанными во время экспедиции. Сопоставление двух временных срезов предоставляет читателю возможность самому определить, насколько изменился как сам современный человек, так и его восприятие, и есть ли что-то общее, объединяющее людей через несколько поколений. Другой альбом – «В ритме кочевий», повествует об особенностях номадической культуры киргизов. Вертикальные перекочевки, обусловленные адаптацией человека к условиям горных степей, определили удивительную устойчивость во времени многих культурных традиций: занятий, обрядов, верований. Образы культуры хантов и манси, их прошлого и настоящего, представлены в третьей книге – «Две Югры». Архивные и современные фотографии рассказывают о яркой и самобытной культуре, зародившейся много веков назад на громадных пространствах Заполярного Урала, тундры и тайги Западной Сибири.

Настоящее издание «У подножия неба», знакомит читателя с древней культурой народов Памира, сформировавшейся в суровых условиях высокогорья. Книгу открывает краткий очерк, повествующий об истории и особенностях культурных практик памирцев, – их занятий, промыслов, обрядов и верова-

ний, для которых характерна как устойчивость во времени, так и удивительная открытость для новаций. В альбоме опубликованы памирские фотографии знаменитой экспедиции Б.Л. Громбчевского (1889–1890), инициированной Императорским Русским географическим обществом, известного этнографа-фотографа С.М. Дудина, работавшего в экспедициях в Средней Азии в 1900-х годах, а также фотоматериалы советского времени сотрудников Государственного музея этнографии народов СССР Б.С. Гамбурга и Г.Е. Трапезникова (1960–1970) и фотографии из архива ТАСС.

Современные фотографии сделаны во время экспедиции в августе 2013 года петербургских востоковедов В.А. Шорохова, Д.В. Овсянникова (оба – СПбГУ) и фотографа А.Н. Онацко на Памир в районы Шугнан, Кух-и-Лал, Вахан, Мургаб – именно в те селения, которые оказались запечатленными на архивных фотографиях. Полевые наблюдения участников экспедиции 2013 года, использованные в качестве комментариев к фотографиям и сюжетам, раскрывают смысловой контекст визуальных образов. Предоставленная на страницах альбома возможность охватить одним взглядом разные временные срезы культуры позволяет читателю не только приблизиться к пониманию динамики ее развития, но и задуматься о культурных универсалиях, не подвластных времени и пространству.

Д.А. Баранов

FOREWORD

At the Foot of Heaven is the current, fourth publication within the framework of the *Land of Diversity* project aimed at producing visual images of the cultures of peoples from different environmental, historical and cultural backgrounds with but one feature in common – their location far away from the centres of modern civilization. The focus in the series is on those humans that open up distant lands, settle there and develop them, creating unique cultural environments by means of their traditional crafts, indigenous occupations, ritual practices and symbolic interpretation of the world surrounding them.

The *Land of Diversity* title stresses the spatial dimension of culture, which hinges on travel as a means of distancing the observer and enabling them to see what is native and familiar as something novel and striking, while perceiving the alien through the prism of recognizing in it what is your own. For this reason the *Land of Diversity* Project is based on ethnographic expeditions. The most thrilling thing about field research is the study of the present, which spans the past, already gone by, with the future, which has not ensued as yet.

The key goal of the project is to arouse interest in knowing your own self and your own culture, which is only possible through rationalizing “the others” (according to Stanislaw Lem, a person’s confines are determined by “Others”) – such as past historical epochs, regional and ethnic traditions and social communities. The overriding objective of the Project is to stir up anxiety and curiosity in the souls of those who are the least prone to self-reflection. The difficulty consists in making the presentation of other cultures appealing to all, therefore the writers have tried to avoid painting other cultures as excessively exotic – the main thing is for a person to see one’s own self in “others”, for in the final analysis this is what is really interesting. To paraphrase Hermann Hesse, when we take an interest in somebody, we do so because we are intrigued by the person having something about him/her that we are also endowed with, while their having about them something not shared by us is hardly important to us.

The photographic album genre makes it possible to concentrate attention on the most vivid and memorable images of culture. Old and present-day snapshots in combination with scholarly comments enable anybody to make a journey across time and space and find oneself immersed in entirely different cultural circumstances and consequently to perceive “one’s own” as something novel and unexpected,“ while seeing “the alien” though the prism of recognizing it as “one’s own”.

The camera lens does not reflect cultural phenomena with absolute objectivity because the photography process itself is always the result of selection arising both from the general cultural context and from the filtering of the observed reality by the mesh of the photographer’s own experiences, predilections, erudition and other personality traits. In this sense, what photography records is not only the reality of the other country, but also a culture-determined profile of the particular observer.

The first volume in the *Land of Diversity* series was entitled “Searching for Belovodye” and dealt with the Altai Old Believers’ indigenous culture, glimpses of which are provided by the unique photographic collections of the Russian Museum of Ethnography, its respective pictures dating from the first third of the twentieth century, and by an assortment of present-day field photographs taken by a recent expedition. Comparing the two slices of time, the readers can see for themselves how today’s man (and their perception) has changed and decide whether there is still anything in common that unites people across several generations. One more volume, “Nomadic Rhythms”, is an account of the peculiarities of the Kyrghyz nomadic culture. Those nomads’ vertical seasonal camp relocations caused by a need to adapt to the conditions of the mountainous steppe, have been responsible for the striking steadfastness of the Kyrghyz cultural traditions, including their occupations, ritual practices and beliefs. The cognate culture of the Khanty and the Mansi is visually represented in the third album, “Two Yugras”,

in the same series. The historical and present-day photographs give a graphic account of the colourful and highly original culture that came into being centuries upon centuries ago on the vast expanses of the Transpolar Urals and the tundra and taiga of West Siberia.

The present publication, “The Book of the Pamirs”, acquaints the reader with the ancient culture of the Pamiri peoples that evolved in the severe conditions of high altitudes. The book opens with a brief essay outlining the Pamiris’ history and cultural peculiarities, including their occupations, crafts, rituals and beliefs, with their characteristic steadfastness on the one hand, and surprising openness to innovation on the other. Published in this book are the Pamirs photographs by the famous expedition headed by B.L. Grombchevsky (1889–1890), undertaken on the initiative of the Russian Imperial Geographic Society; pictures taken by the famous ethnographer-photographer S.M. Dudin, who worked in the Central-Asian expeditions in the 1900s, as well as some photographic materials that date from the Soviet days, including

those by B.S. Gamburg and G.E. Trapeznikov (1960–1970), staff members of the State Museum of the USSR Peoples’ Ethnography, and photographs from the TASS Archive.

The latest batch of photographs comes from the expedition of August 2013 by St. Petersburg Orientologists V.A. Shorokhov and D.V. Ovsyannikov (both from St. Petersburg State University) and photographer A.N. Onatsko to Shugnan, Kukh-i-Lal, Wakhan and Murghab in the Pamirs – i.e. precisely the same localities as had appeared in the archive photographs. The field notes by the participants in the 2013 expedition have been used here as comments on the pictures and situations, helping as they do to bring out the content of the visual images. The unique opportunity this album gives the reader of observing side by side different time slices of culture not only enables them to come close to comprehending its development dynamics, but also compels one to ponder on cultural universals that are not governed by time and space.

D.A. Baranov

ОКРАИНА ТРЕХ ИМПЕРИЙ

Памир сегодня – вполне доступное место для рабочих поездок и путешествий туристов. Тем не менее, в сознании большинства людей он остается недостижимой загадочной страной, представления о которой состоят преимущественно из общих «центральноазиатских клише» и обрывков школьных знаний по истории и географии. Желая привлечь к себе внимание очевидцы, побывавшие «там», зачастую стремятся не к развенчанию расхожих мифов, а к их эксплуатации и дополнению за счет утрированно экзотических подробностей. В свою очередь, образы, сконструированные в соответствии с законами глобального информационного пространства, вторгаются в сознание местного населения, заставляя его стремиться «соответствовать» ожиданиям «других», будь то богатый путешественник, исследователь или представитель международной гуманитарной организации, в основном, в коммерческих целях. Неудивительно, что в одной из популярных на постсоветском пространстве телепередач о путешествиях Памир предстает пустынной страной на главном маршруте «Великого шелкового пути» с действующими (!) зороастрийскими святилищами. За этой бутафорской декорацией совершенно не виден гораздо более захватывающий и неожиданный реальный облик «крыши мира» и ее обитателей.

Происхождение слова «Памир», видимо, навсегда останется загадкой. Наиболее распространенные этимологии («крыша мира», «подножие смерти», «подножие Митры») предполагают иранское происхождение термина. Киргизы именуют «памирами» высокогорные холмистые степи, занимающие восточную часть страны. Как бы то ни было, первое упоминание горной области Бо-ми-ло в китайских источниках относится к первой половине VII в. и относится к долинам верхнего Пянджа, реки Памир и озера Зоркуль.

Сегодня Памиром именуют всю огромную четырехугольную горную систему в центре Азии, на территории Таджикистана (Горно-Бадахшанская автономная область, большая часть Памира), Китая (хребет Сарыколь и Кашгарские горы) и Афганистана (Ваханский хребет) с высшей точкой 7719 м. Практиче-

ски для всей территории характерен резко-континентальный климат, однако особенности рельефа определяют различия между Западным и Восточным Памиром. Последний (часто именуемый Мургабом) представляет собой высокогорную пустыню с медленными реками, крупными озерами и небольшими перепадами высот, пригодную исключительно для скотоводства. На западе многочисленные хребты разделены узкими и глубокими долинами (разница высот – 2000–4000 м), понижающимися к западу. В ущельях разбросаны участки плодородной земли, а климат кое-где пригоден даже для выращивания цитрусовых. Тем не менее, высот ниже 1500 м здесь нет, а скалы, осыпи и ледники занимают значительные площади даже «внизу» (в Язгуляме – 65%).

История Памира по сложности изучения и обилию резких контрастов между эпохами – под стать климату. В регионе обнаружены стоянки каменного века (в основном, в Мургабе), однако считается, что предки современного восточноиранского населения появились здесь в эпоху поздней бронзы или раннего железа, в конце второго и начале первого тысячелетия до н.э. В советское время ученые приписывали заселение Памира сакским (восточноскифским) кочевыми племенами, пришедшим с востока. Однако сегодня ведущие таджикские археологи (например, М.А. Бубнова) отвергают эту точку зрения, считая, что основной поток мигрантов шел через доступные перевалы Дарваза (т.е. с запада). В любом случае, отсутствие собственной индустрии бронзы предопределило медленное развитие региона в этот период.

Долгое время в литературе бытовала легенда, что первыми европейцами, посетившими Памир, были воины Александра Македонского. Вероятность (а, главное, мотивация) перехода крупных греческих отрядов через четырехкилометровые перевалы невелика. Тем не менее, многие из памирцев считают почетным вести свое происхождение от витязей «Искандера двурогого», чьи подвиги известны им из ближневосточной и персидской литературы.

Серьезные укрепления появляются на Памире в III–II веках до н.э., а в Кушанскую эпоху (I век до н.э. – III век н.э.) долины рек Гунт, Шахдара и Пяндж (в районе Вахана) «обрастают» фортификационными сооружениями, сторожевыми башнями и крупными поселениями. Безусловно, строительство было связано с усилением трансконтинентальной торговли. Однако основной маршрут «Шелкового пути» проходил несколько севернее (через Фергану). Кроме того, не последней причиной возведения оборонительных рубежей была активизация прочно обосновавшихся на Восточном Памире кочевников.

Раннее средневековье стало периодом расцвета Памира. Находясь на периферии государств эфталитов и западных тюрок, страна стала транзитным регионом для дальневосточных буддийских паломников, направлявшихся в Индию. Именно они оставили первые описания отдельных районов Памира – Шугнана, Вахана и Мургаба. Этим же периодом археологи датируют два святилища, в стенах которых памирцы поклонялись огню. Огнепоклонниками называют их и исламские авторы. Но вопрос о распространении здесь зороастризма остается открытым.

После недолгой (747–750) гегемонии Китая Памир попадает в орбиту исламского Халифата. Первые изменения коснулись экономики – началась активная разработка месторождений благородной шпинели (Кух-и-Лал) и серебра (долины Гунта и Тогузбулока, Базар-дара). Несколько позднее (в XI веке) начинается распространение среди горцев ислама. Но, в отличие от соседних стран, на Памире господствующей разновидностью мусульманского учения стал исмаилизм. Его утверждению способствовала проповедь пришедшего из афганского Бадахшана (это название постепенно стало распространяться и на западный Памир) известного персидского поэта Носира Хосрова. Политическая история края тем временем свелась к признанию местными правителями номинальной зависимости от сменявших друг друга могущественных соседей.

Именно в эпоху средневековья в Европе появилось первое описание Памира. Его автором стал побывавший здесь около 1274 года Марко Поло. В XVI веке Мургаб заселили киргизы.

К началу XIX века Памир находился на стыке сфер номинального влияния Бухары, Коканда, империи Цин и эмирата Бадахшан. Однако власть каждого из «владельцев» сводилась к эпизодическому сбору дани с отдельных районов страны. Положение изменилось с началом «Большой игры» между Россией и Англией. Уже в 1838 году на южном Памире появился лейтенант королевского ВМФ Джон Вуд, а вслед за ним – целая плеяда российских и британских разведчиков и ученых. После полувека напряженного (правда, в основном бескровного) противостояния спецслужб и рекогносцировочных отрядов, в которое были втянуты местные жители, китайцы, бухарцы и афганцы, две крупнейшие империи в 1895 году разделили Памир. Большая его часть досталась России, правый берег Пянджа и Малый Памир (Ваханский коридор) – Афганистану, а Сарыколь – империи Цин. При этом самих памирцев, чьи владения, охотничьи угодья, летовки, семьи и судьбы разрубили пополам новые границы, никто не спросил.

Памир сегодня – уникальный уголок Евразии, где сохранился реликтовый социокультурный ландшафт. Одновременно это место, которое неуклонно и неравномерно меняется под воздействием глобальных тенденций. Именно поэтому здесь, сменяя друг друга, проводят исследования ученые со всего мира.

Основное население Памира составляют так называемые памирские народы – группа небольших общностей, говорящих преимущественно на восточно-иранских языках. Наиболее многочисленные из памирцев (шугнанцы, ваханцы, рушанцы) живут и в Таджикистане, и в Афганистане (а ваханцы – также в Пакистане и Китае). Кроме того, на территории Горно-Бадахшанской автономной области (далее – ГБАО) проживает и ряд локальных фарсиязычных групп, ассоциирующих себя

с памирцами – дарвазцы, горонцы. До распада СССР малые народы ГБАО считались «горными таджиками» и фактически бесконфликтно совмещали две идентичности. Но в годы Гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) на Памире возникло сильное национальное движение. Более того, фактически закрепился новый уровень идентификации: вне зависимости от конкретного региона происхождения бадахшанцы стали называть себя «помири».

Большая часть памирцев (кроме дарвазцев и киргизов) – мусульмане-исмаилиты низаритского толка. Их иерархизированная община подчиняется наследственному имаму из рода ‘Али, живущему за пределами Бадахшана (с середины XX века – в Европе). Именно благодаря своеобразию исмаилизма сохранились многие верования и обряды горцев, восходящие к доисламскому периоду, такие как поклонение камням и источникам, комплексы традиций, связанных с жизненным циклом, сельским хозяйством, домостроительством. Все это было переосмыслено в соответствии с исмаилитской доктриной. Кроме того, принадлежность к низаритской общине и доступ к ее ресурсам помогли памирцам выжить в условиях гражданской войны и экономической изоляции. Однако развитые традиции «сокрытия веры» заставляют их избегать демонстрации своих религиозных представлений и навязывания их иноверцам.

Значимым фактором современного развития Памира является перенаселенность региона. Занимая территорию более 64 000 кв. км, Горный Бадахшан имеет население 212 000 человек. Абсолютное большинство памирцев проживает на 3% территории края, пригодных для хозяйственной деятельности.

Такая высокая фактическая плотность населения при сохранении преимущественно аграрного характера хозяйства привела к необратимым экологическим последствиям. В конце XIX века, когда на территории русского Памира проживало около 16 тысяч человек, берега рек были покрыты густыми лесами, а в горах не переводилась дичь. Традиционная культура памирцев основана на использовании дерева и рогов животных в качестве значимых (как в экономическом, так и в символическом плане) материалов. Однако благополучие советского периода вкупе с традиционно высокой рождаемостью превратили значительные территории плодородных долин в песчаные пустыни и уничтожили популяции диких животных на западе ГБАО. Лишь в Мургабе экосистема находится в близком к нормальному состоянию. Так плачевно закончился для природы Памира эксперимент по обеспечению благополучия его двуногих обитателей.

Упомянутые в этом кратком экскурсе особенности прошлого и настоящего Памира – лишь одни из многих, возможно, не самые яркие. Кроме того, горы и люди гор оставили в душах участников экспедиции глубокий эмоциональный след, описать который с помощью бумаги и чернил – непосильная задача. Именно поэтому, на наш взгляд, зримые образы – самое адекватное средство познакомить читателя с уникальным местом между небом и землей, имя которому – Памир.

В.А. Шорохов

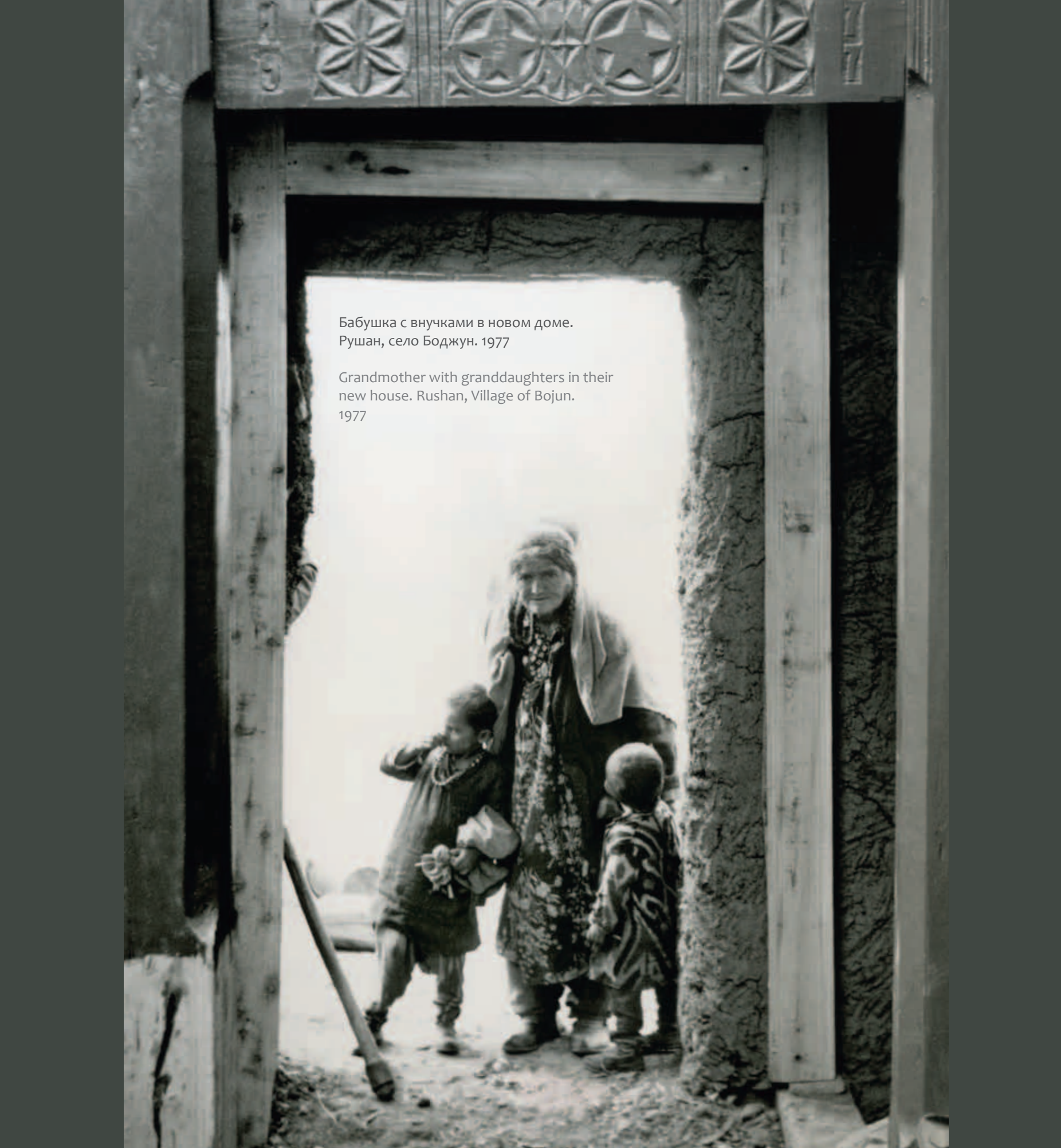

Временное жилище. Памир. 1908
Makeshift dwelling. Pamir. 1908

Дворец Дарвазского бека. Кала-и-Хумб. Фотография из альбома Л.Б. Громбчевского. 1889–1890
Palace of a Darvaz bek (landlord). Kala-i-Khumb. Photograph from the album of Grombchevsky. 1889–1890

Бабушка с внучками в новом доме.
Рушан, село Боджун. 1977

Grandmother with granddaughters in their
new house. Rushan, Village of Bojun.
1977

THE OUTSKIRTS OF THREE EMPIRES

Pamir today is a fairly easily accessible place for visitors arriving for work or holidays. Nevertheless, in most people's minds it still remains a mysterious inaccessible land, whose image is made up for the most part of hackneyed "Central Asian clichés" and scraps of dated information from school textbooks on history and geography. Quite often those people who have been there and want to attract others' attention to themselves have no desire to discredit the existing myths about the area, preferring instead to support and amplify them by exaggerating any exotic detail. At the same time, the mass media imagery generated in keeping with the laws of the global information space, penetrates the minds of the locals, compelling them to live up, for commercial reasons, to the expectations of "others", be those rich travellers, explorers or representatives of international humanitarian aid organisations. It is hardly surprising that in one of the travelogue television programmes popular on the post-Soviet space, Pamir is presented as a desert land on the main route of the Great Silk Way that still has Zoroastrian sanctuaries functioning (!). This stage prop completely eclipses the far more captivating and unexpected real view of the "Roof of the World" and its inhabitants.

The origin of the word Pamir is likely to remain a riddle forever. The most current etymologies ('the roof of the world', 'the foot of death', 'the pedestal of Mitra') suggest Iranian roots of the name. The Kyrgyz apply the word 'pamir' to the hilly high-altitude steppes occupying the eastern part of their country. Anyway, the first mention of the mountainous region of Bo-mi-lo in Chinese sources dates from the first half of the eighth century and refers to the valleys of the upper Pyanj River, the Pamir River and Lake Zorkul.

Nowadays the name Pamir (or the Pamirs) is applied to the entire vast quadrilateral mountain system in the centre of Asia on the territory of Tajikistan (most of the Pamir mountains occupying Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast there), of China (the Sarykol Range and the Kashgar Mountains) and Afghanistan (the Wakhan Range), the system's highest peak rising to 7,719 m. Practically all the territory of the Pamirs has a severe

continental climate, yet it is the relief that marks the difference between the West and East Pamirs. The latter (often referred to as Murghab) is a high-altitude desert with slow rivers, large lakes and minor elevation differences, which is fit for livestock rearing alone. In the western part the numerous ranges are divided by narrow deep valleys (with elevation differences of 2,000 to 4,000 m), sloping westwards. Scattered in the valleys are areas with fertile soils, so the climate in some localities is even suitable for growing citrus fruit. Nevertheless, there are no elevations here lower than 1,500 m and rocks, screes and glaciers occupy considerable areas even "at the bottom" (65% in Yazgulyam).

The history of the Pamirs is a match to its climate, being at least as complicated and difficult to study and as profuse in sharp contrasts – between epochs. Stone-age sites have been found here (in Murghab chiefly), but it is believed that it was not until the late Bronze or early Iron age that the ancestors of the present East Iranian population settled here in the late second or early first millennium B.C. In Soviet days scholarship generally ascribed the Pamirs settlement to the eastern Scythian nomadic tribes arriving from the east. Today, however, leading Tajik archaeologists (M.A. Bubnova for one) have turned down this viewpoint, maintaining that the mainstream of migrants arrived by way of accessible mountain passes of Darvaz (i.e. from the east). In any case, the absence of local bronze industry inhibited the area's development during that period.

For a long time it was maintained in scholarly writings that the first Europeans to visit the Pamirs were Alexander the Great's soldiers. The likelihood (and expediency, to begin with) of large Greek military units overcoming passes at a height of 4 km is tiny. Nevertheless, many of the Pamiria find it honourable to trace their descent from the warriors of "double-horned Iskander", whose feats are well known to them from the literature of the Middle East and Iran.

Serious fortifications were built in the Pamirs in the third-second centuries B.C., whereas the Kushan epoch (1st century B.C. – 3rd century A.D.) saw the valleys of the Rivers Ghunt,

Shahdad and Pyanj (in the area of Wakhan) getting cluttered with fortresses, watchtowers and large settlements. The main route of the Silk Way, however, went a little farther north (via Fergana). Besides, no less important ground for erecting the fortifications was connected with the activities of the nomads, who had securely settled in the East Pamirs.

The early Middle Ages became the heyday of the Pamirs. Lying on the outskirts of the Hephthalites' and Western Turks' states, the Pamirs became a transit area for Buddhist pilgrims making way into India. They were the first to provide descriptions of the Pamirs' constituent regions of Shugnan, Wakhan and Murghab. Archaeologists date to the same period two sanctuaries in whose precincts the Pamiri worshipped fire. Islamic writers also called them fire-worshippers. Yet the issue of the spread of Zoroastrianism in these parts still remains open.

After a brief hegemony of China (747–750), the Pamirs came under the sway of the Islamic Caliphate. The first changes were in the field of economy as deposits of gem spinel (Kukhilal) and silver (valleys of the Ghunt, Toguzbulok and Bazar Dar). Somewhat later (from the 11th century on), Islam began to spread among the highlanders. Unlike its neighbouring countries, however, the Pamirs adopted its Ismaili variety. Its rise was facilitated by sermons by the famous Persian poet Nasir Khusraw, who had come there from Afghan Badakhshan (the latter name began to spread gradually to the west of the Pamirs as well). Meanwhile the political history of the region boiled down to the local rulers accepting nominal dependence of the region on its neighbours as they became powerful one by one.

It was not until the Middle Ages that Europe saw the first description of the Pamirs. Its author was Marco Polo, who had visited the area about 1274. In the sixteenth century Murghab became inhabited by the Kyrgyz.

By the early nineteenth century, the Pamirs had found itself at a junction where nominal dependence on Bukhara, Kokand, the Ching Empire and the Badakhshan Emirate were recognized. Yet the power of each of the "sovereigns" merely consisted in occasional collection of tributes from some of the country's regions. The situation changed when the "Great Game" between Russia and Britain commenced. As early as 1838 British naval officer John Wood came to the southern Pamirs, to be followed by a host of Russian and British intelligence officers and explorers. After half a century's intense (albeit bloodless) confrontation between the special services and reconnaissance detachments, in which the locals, as well as the Chinese, people from Bukhara and Afghanistan participated, the world's two greatest empires divided the Pamirs in 1895. Its larger part went to Russia, the right bank of the Pyanj River and the Little Pamirs (the Wakhan Corridor) were given to Afghanistan and the Sarykol Range to the Ching Empire. Characteristically, nobody asked the consent of the Pamiri, whose lands, hunting grounds, summer camps, families and destinies were split by the new borders.

The Pamirs today is a unique corner of Eurasia that has retained a relic socio-cultural landscape. At the same time it is a place that is constantly and ununiformly changing under the impact of the universal trends. It is for this reason that scholars from all over the world flock here in quick succession to conduct their studies.

The bulk of the local population consists of so called Pamirian peoples, a group of communities speaking mainly in East Iranian languages. The most numerous groups of the Pamiri (Shughnans, Wakhans and Rushans) live both in Tajikistan and Afghanistan (while Wakhans are also found in Pakistan and China). Besides, the territory of the Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast (hereinafter GBAO) accommodates a number of Farsi-speaking ethnicities identifying themselves as Pamiri – such as Darvaz and Goronts. Before the disintegration of the USSR minor ethnicities were referred to as ‘highland Tajiks’ and smoothly combined the two identities without conflict. But during the civil war (1992–1997) a strong nationalist movement emerged in the Pamirs. In effect a new form of identification became fixed: regardless of their particular origins, Badakhshan’s residents came to call themselves “Pomiri”.

The majority of the Pamiri (except for the Darvaz and Kyrghyz) are Ismaili Muslims of Nizar following. Their hierarchal community is subordinated to a hereditary imam from the family of Ali, who lives outside of Badakhshan (in Europe from the 20th century). It is owing to the peculiarities of Ismaili faith that many of the local highlanders’ beliefs and rites dating from their pre-Islamic period, such as the worship of stones and springs and traditions connected with life cycles, agriculture and housing, still survive. Those had been reinterpreted in keeping with the Ismaili doctrine. Moreover, it was through belonging to the Nizar community and its resources that the Pamiri were able to survive the hardships of the civil war and economic isolation. Admittedly, the highly developed traditions of “concealing their faith” compel them to avoid demonstrating their religious beliefs or imposing them on infidels.

A significant factor in the current-stage development of the Pamirs is its overpopulation. Occupying an area of over 64,000 square km, GBAO has a population of 212,000. The absolute majority of the Pamiri live on a mere 3% of the region’s territory suited to sustain economic activities. This extremely high population density coupled with the remaining predominantly agrarian profile of the economy, have caused irreversible ecological consequences. In the late nineteenth century, when the territory of the Russian Pamirs accommodated 16,000 inhabitants, its river banks were covered with dense forests that were never short of game. The Pamiri culture has been traditionally based on utilizing wood and animals’ horns as significant materials (both in economic and symbolic sense). Yet the wellbeing of the Soviet period combined with the traditionally high birth rates turned considerable areas of fertile lands into sand deserts and annihilated wildlife populations in the West Pamirs. Murghab alone has retained its ecosystem in a near-normal state. That was the sad environmental result for the Pamirs of the experiment aimed at promoting the wellbeing of its two-legged inhabitants.

This brief account of the Pamirs’ past and present highlights may be far from exhaustive, and those chosen may not be the most salient ones. Moreover, the mountains and the people who live there made such an indelible emotional mark in the souls of the expedition members that conveying it in ink and pen would be a task absolutely beyond our ability. It is for this reason that we rely on the visual images presented as the most effective means to acquaint the reader with the unique place between earth and heaven – which is called Pamir.

V.A. Shorokhov

«Преодолевая грозные кручи и ступая по опасной высоте, прошел около 700 ли и прибыл в долину Бо-ми-ло. Она простирается с востока на запад примерно на 1000 ли, с юга на север – примерно на 100 ли. В самом узком месте ширина не превышает 10 ли. Долина расположена между двумя грядками Снежных Гор, и потому здесь дуют сильные и холодные ветры, весной и летом падает снег, днем и ночью бывают ураганы. Все покрыто мелким камнем, и посевы не могут давать урожай, а травы и деревья редки – оттого эта местность выглядит пустынно, и совершенно нет человеческого жилья. В долине Бо-ми-ло есть большое драконье озеро – с востока на запад 300 ли, с севера на юг около 50 ли. Расположено в пределах Большого Цунлина. Во всей Джамбудвипе это место самое высокое. Воды озера ясные и прозрачные, как чистое зеркало. Никогда не измерить его глубины. Цвет воды темно-синий, вкус весьма сладкий. В глубине его водятся водяные чудовища, рыбы-драконы, крокодилы и черепахи...»

Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи).
М.: Восточная литература, 2012. С. 326

“I covered about 700 li (350 km) on foot, overcoming dangerously steep slopes and stepping cautiously at a perilous altitude, finally arriving in the valley of Bi-mi-lo. It stretches over about 1,000 li (500 km) from east to west and about 100 li (50 km) from south to north. In its narrowest place the valley is not more than 10 li (5 km) wide. As the valley lies between two mountain ridges of the Snow Mountains, strong cold winds are frequent here and it often snows in spring and even summer, storms happening both by day and night. Everything is covered in small stones, so crops cannot grow, while grass and trees are scarce, which is why the terrain looks like a desert and there are no human dwellings at all. There is a large dragon lake in the valley of Bi-mi-lo, 300 li (150 km) long from east to west and 50 li (25 km) wide from north to south. It is located within Big Tsunling. This is the loftiest place of the whole *Jambudvīpa* (earth). The water of the lake is clear and transparent like a clean mirror. It is absolutely impossible to measure its depth. The water is deep blue in colour and tastes very sweet. Deep in it, water monsters live, dragon fish, crocodiles and turtles...”

Xuangzang. Notes on the Western countries [in the dynasty] of Great Tan (Dai Tang Xi Yu Ji).
Moscow. Oriental Literature, 2012, p. 326

Б.Л. Громбчевский. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890
B.L. Grombchevsky. Photograph from B.L. Grombchevsky's expedition album. 1889–1890

Снеговой мост на хребте Петра Великого. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890
 Snow bridge on the Peter the Great Range. Photograph from the B.L. Grombchevsky expedition album. 1889–1890

Бронислав Людвигович Громбчевский (1855–1926) был одним из активных участников присоединения Средней Азии к России и изучения самого труднодоступного из ее районов – Памира. Выходец из польской шляхты, он получил неполное высшее образование в Горном институте (Санкт-Петербург), а затем, закончив Варшавское пехотное училище, поступил на военную службу.

В 1888 году исследователь совершил рискованное путешествие через Кашгарию к истокам реки Яркенд, открыв ранее неизвестный Юрункашский хребет и выйдя в бассейн Инда, где посетил княжество Канджунт.

Bronislaw Lyudwigowich Grombchevsky (1855–1926) was one of the active participants in the Russian annexation of Central Asia and in the exploration of its least accessible part – the Pamirs. A descendant of Polish nobility, he studied in the Mining Institute (St. Petersburg) without graduating and later, after coming out of the Infantry School in Warsaw, was commissioned in the armed forces.

In 1888 the explorer made a risky journey to the source of the Yarkand River across Kashgaria, discovering the hitherto unknown Yurunkash Range and reaching the Indus basin, where he visited the Kanjut Principality.

Конвой экспедиции
Б.Л. Громбчевского.
Фотография из альбома
экспедиции
Б.Л. Громбчевского.
1889–1890

The V.L. Grombchevsky
expedition convoy.
Photograph from the
V.L. Grombchevsky
expedition album.
1889–1890

Летом 1889 года отряд Громбчевского в составе самого ученого и семи казаков отправился на Памир. Через Каратегин и Вахию русские проникли в самое западное памирское владение – Дарваз. За посещенными после Дарваза Ванчем и Рушаном начиналась зона оккупации афганцев, которые отказались пропустить экспедицию дальше. Круглым путем через Алтын-мазар и Сарез Громбчевский все же обошел район боевых действий, став невольным свидетелем уничтожения шугнанцев афганскими войсками. Далее путь исследователя лежал через Аличур и перевалы в долину Инда, в Кашгарию и Северный Тибет. Среди научных результатов экспедиции наиболее значимыми оказались топографическая съемка неизвестных районов (более 5000 км пути), определение координат (73 пункта измерения) и высот (350 пунктов измерения), а также богатейшие этнографические материалы. Политическим следствием путешествия стало принятие решения о присоединении Памира к России.

In the summer of 1889, Grombchevsky's squad consisting of the explorer himself and seven Cossacks headed for the Pamirs. By way of the Karategin Valley and Wakhia, the Russians penetrated the Pamirs' westernmost possession – Darvaz. Beyond Wanch and Rushan visited by the expedition, an Afghan zone of occupation lay, where the Afghans refused to let the exhibition go farther. Using a detour via Altyn-mazar and Sarez, Grombchevsky managed to circumvent the combat area, on the way, witnessing unintentionally the Afghan troops crushing the Shughnani. Further the explorer's route was across the Alichur and the mountain passes into the Indus valley, into Kashgaria and the North Tibet. Among the expedition's results, the most significant ones were the topographic survey of the hitherto unknown locations (a distance of over 5,000 km covered), determining the coordinate bearings (of 73 points) and altitudes (350 points for measurement), as well as most valuable ethnographic materials. A political consequence of the journey was the adoption of the decision for Russia to annex the Pamirs.

Овринги (карнизы) на реке Пяндж.
Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890

Ovringi ledges on the Pyanj River.
Photograph from the expedition by B.L. Grombchevsky. 1889–1890

Уже в звании подполковника Б.Л. Громбчевский дважды возвращался на Крышу мира. Второй раз – в 1892 году в качестве «заведующего памирским населением», т.е. первого гражданского администратора присоединенной территории.

Afterwards, after his promotion to the rank of Lieutenant Colonel, B.L. Gromchevsky twice returned to the Roof of the World. His second appointment was as Chief of the Pamir Population, i.e. the First Civilian Administrator of the newly annexed territory.

Переход экспедиции через перевал Сытарги Дарвазского хребта.
Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890

The expedition crossing the Sytargi Pass of the Darvaz Range.
Photograph from the B.L. Grombchevsky expedition album. 1889–1890

Командующий войсками
Дарваза с адъютантом
и командиром батальона.
Фотография из альбома
экспедиции Б.Л. Громбчевского.
1889–1890

Commander of the Darvaz
troops with an adjutant
and a battalion commander.
Photograph from the
B.L. Grombchevsky expedition
album. 1889–1890

Правитель Дарваза.
Фотография
из альбома экспедиции
Б.Л. Громбчевского.
1889–1890

Ruler of Darvaz.
Photograph from the
B.L. Grombchevsky expedition
album. 1889–1890

Дастархан правителя Дарваза. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890

Dastarkhan (dining-room) of the ruler of Darvaz. Photograph from the B.L. Grombchevsky expedition album. 1889–1890

Селение Серез в Рошане. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889-1890
Serez Village in Roshan. Photograph from the B.L. Grombchevsky expedition album. 1889-1890

Разбойник Сахиб Назар с сыном. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890
Robber Sahib Nazar with his son. Photograph from the B.L. Grombchevsky expedition album. 1889–1890

Работорговец. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890
Slave trader. Photograph from the B.L. Grombchevsky expedition album. 1889–1890

У ПОДНОЖИЯ НЕБА At the FOOT of HEAVEN

ЭКСПЕДИЦИЯ · EXPEDITION

август · 2013 · august

ТАДЖИКИСТАН
TAJIKISTAN

КИТАЙ
CHINA

оз. Каракуль
Lake Karakul

ПАМИР
PAMIR

Область Шугнан
Shugnan District

Р. Мургаб
River Murg'ab

Поршинев (Бувед)
Porshinev (Buved)

Тем Тем

Хорог
Khorog

Тусиён Tusiyon

Хашхорог
(граница Шугнана)
Khashkhorog
(Shugnan boundary)

АФГАНИСТАН
AFGHANISTAN

2000
3000

Средние высоты над уровнем моря,
на которых ведется хозяйственная деятельность.

Average altitudes at which sustained
economic activities are possible.

6000

Максимальная высота области
The maximum altitude in the GBAO

ШУГНАН
SHUGNAN

Поршинев · Тем · Хорог · Тусиён
Porshinev · Tem · Khorog · Tusiyon

Шугнан – исторический регион на юго-западе Горно-Бадахшанской автономной области и северо-западе афганской провинции Бадахшан, разделенный рекой Пяндж. Вблизи границы с Афганистаном находится столица Памира с 1897 года и его самый крупный населенный пункт – город Хорог. Исторический Шугнан со времен второго российского «начальника Памира» Э.К. Кивекаса превратился в политический, экономический и культурный центр таджикского Бадахшана. Однако первое упоминание о «Шицини» содержится в записках китайского паломника Сюань-цзана (первая половина VII века). Шугнанцы – самый многочисленный этнос Памира (со своими афганскими соплеменниками – не менее 100 тыс. человек). Возможно, именно поэтому у них с 1931 года есть свои письменность и литература, а хрестоматийной составляющей образа памирца стала шугнанская тибетейка. Наряду с таджикским и русским шугнанский язык в Бадахшане служит языком межнационального общения.

Shugnan is a historical area in the south-west of the Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast and in the north-west of the Afghan Province of Badakhshan, the River Pyanj separating them. Near the border with Afghanistan lies Khorog, the Pamirs' capital since 1897 and its most populous urban centre. Historical Shugnan has grown since the days of E.K. Kivekes, the second Russian "Chief of Pamir", into a political, economic and cultural hub of Tajik Badashkhan. The first mention of "Shitsini", however, is found in the notes of the Chinese pilgrim Xuangzang (first half, 7th century). The Shugnani form the most populous ethnos of Pamir (a total of no fewer than 100,000, including their Afghan counterparts). It is for this reason perhaps that since 1931 they have developed their own writing system and literature, while the Shugnan *tiubeteyka* skullcap is a symbol that typifies a Pamiri. Along with Tajik and Russian, the Shugni language functions as lingua franca in Badakhshan.

Долина реки Гунт. 2013

Valley of the Ghunt River. 2013

Кишлак Поршинев. 2013

Мазар Сайида Фаррух-шо, самого влиятельного шугнанского религиозного лидера (пира) второй половины XIX века. Вокруг – могилы других пиров, в том числе последнего представителя династии Сайида Юсуфа 'Али-шо (ум. в 1932 году).

Porshinev kishlak (village). 2013

This is the *mazar* (mausoleum) of Pir Sayyid Farrukh-sho, the most influential religious leader (pir) of the 19th century (second half). It is surrounded by the tombs of other pirs, including the last representative of the dynasty Sayyid Pir Yusuf Ali-sho (d. 1932).

По всему Памиру разбросано множество святилищ, представляющих собой захоронения «святых» либо места, связанные с их деятельностью. Их называют мазары или (чаще) остоны. Главными объектами почитания в рамках остонов являются отпечатавшиеся на камнях следы ладони почитаемой личности или (реже) копыт его коня, а также источники, старые деревья, рядом с которыми «святой», согласно преданиям, вел проповедь. Внутри культовых сооружений часто находятся священный огонь, сложенные вместе рога нахчиров и архаров. Считается, что мазары и остоны возникли еще до принятия памирцами ислама и были включены в локальную версию мировой религии. Возможно, именно поэтому в Бадахшане утвердился исмаилизм, поощряющий персональное поклонение имамам, ведущим происхождение от самого 'Али. Неоднократно суннитские завоеватели, Советская власть и современные «модернизаторы» из числа непамирских исмаилитов пытались бороться с мазарами. Однако по сей день их почитание и посещение (зийорат) остаются неотъемлемой частью жизни памирцев.

Scattered throughout the Pamirs are numerous shrines, which usually are places where holy men are buried, or places associated with their activities. They are customarily called *mazars* or, more frequently, *ostons*. The main objects of worship in *ostons* are imprints of the divine person's palm or (less frequently) of his horse's hooves, as well as the springs or old trees near which the *imam* preached according to legend. Inside such shrines, a holy fire is usually found and neatly arranged horns of ibex and argali sheep. *Mazars* and *ostons* are held to have originated before Islam was adopted in the Pamirs and were the local manifestations of the world religion. It was perhaps for this reason that Ismaili faith took root in the Pamirs, for it encouraged personal reverence for imams that descended from 'Ali himself. Not only the Soviet power, but even today's "modernizers" that are Ismaili of non-Pamiri origins try to wipe out *mazars*. To this day, however, their worship and visitation (*Ziyarat*) have remained an integral part of the Pamiri life.

Перекрытие чорхона. Дарваз. 1961
Chorkhona ceiling skylight. Darvaz 1961

Сложное деревянное перекрытие чорхона – отличительная особенность памирского дома. Она состоит из четырех диагонально наложенных друг на друга уменьшающихся квадратов (отсюда и название: чор значит «четыре»). Конструкцию венчает рузан – светодымовое отверстие. Нижний квадрат опирается на две основные балки вус, в свою очередь покоящиеся на пяти мощных столбах ситан. В сочетании с нижними брусьями суф это создает удивительно сейсмоустойчивую конструкцию. Кроме того, устройство традиционного бадахшанского жилища отражает представления его обитателей о Вселенной.

The complex *chorkhona* wooden ceiling of intricate design is a distinctive feature of the Pamiri house. It comprises four square box-like diminishing layers superimposed diagonally on one another (hence its name, in which 'chor' means 'four'). The structure is topped by the *ruzan* opening for light and smoke. The bottom square is supported by two main beams called *vus* resting on five strong pillars called *sitans*. Combined with *suf* squared beams at the bottom, this arrangement provides a very earthquake-resistant structure. In addition, the design of the traditional Badakhshan dwelling incorporates its occupants' notion of the structure of the Universe.

Мазар Сайида Фаррух-шо. Чорхона. 2013

Mazar of Pir Sayyid Farrukh-sho.
Chorkhona. 2013

Чорхона в современном доме. 2013
Chorkhona in a modern building. 2013

Современные дома. Кишлак Поршинев.
Шугнанский район. 2013

Modern houses. Porshinev *kishlak*.
Shugnan District. 2013

Остон/кадамджой Пири-шо-Носира. 1977

Oston/cadamjoi (memorial place) of Pir Nasir-i-Khusraw. 1977

Почитание деревьев и источников распространено на всей территории Памира и восходит к доисламским верованиям горцев. Обычно подобные объекты составляют единый комплекс с остонами. Как и последние, они часто украшаются рогами архара и нахчира. Вода из священных источников используется для питья и омовения, ее набирают в дорогу и для использования в сакральных действиях дома.

The worship of trees and springs is practiced all over the Pamirs and dates back to the highlanders' pre-Islamic beliefs. Usually such *cadamjois* are combined with *ostons*, forming one holy place. Like the latter, they are often decorated with horns of ibex and argali sheep. Water from sacred springs is used for drinking and ablutions, vessels with it are taken for the road and for use at home in sacral practices.

Остон/кадамджой Пири-шо-Носира (Насир-и-Хосрова) состоит из украшенной рогами нахчира дупливой ивы, родника и камня с вырезанным на нем арабским текстом. Фото слева сделано в 1977 году, справа – в 2013. Хорошо видны новые декоративные элементы, смонтированные в период между двумя снимками.

The *Oston/cadamjoi* of Pir Nasir-i-Khusraw comprises a hollow willow tree decorated with horns of ibex and argali sheep, a spring and a stone with a legend in Arabic carved on it. The photograph on the left was taken in 1977, the other one on the right in 2013. Very noticeable are the new decorative elements fitted during the period between the two snapshots.

Остон/кадамджой Пири-шо-Носира. 2013

Oston/cadamjoi (memorial place) of Pir Nasir-i-Khusraw. 2013

В саду у остона – камень с нацарапанными надписями (на фарси).
На правой стороне камня – два бейта (стихотворных строфы):

يارب تو سراي دلربارا
از دست سنگران نگه دار
يارب به ضعیفی نگه
ايداورسان ز بهشت باچار

Примерный перевод (Н.С. Терлецкий, Х. Фарждими)

О Бог, защити дом от рук злых [людей],

О Бог, нищему помоги силою восьми и четырех (Имеются ввиду почитаемые исмаилитами имамы. – В.Ш.)

На левой стороне – изображение руки и ряд плохо читаемых надписей. Тексты и перевод – сверху вниз.

«کبر سنگ زوم...»

«... [я] открыл душу...» (Вероятно, начертав эти надписи. – В.Ш.)

«به دعایا کند حرکت کبرین خط...»

«Кто увидел эту надпись, вспоминай ее с молитвой».

Раскрытая правая ладонь – один из наиболее распространенных символов ислама. В шиитской традиции пятерня обозначает панджтан – группу наиболее почитаемых персонажей (Мухаммада, его зятя ‘Али и дочери Фатимы, а также сыновей ‘Али и Фатимы Хасана и Хусайна). Ее изображения являются одними из наиболее распространенных среди петроглифов Памира. Часть из этих рисунков почитается как свидетельство посещения того или иного места святыми. Часть воспринимается как рукотворный символ. Внутри пятерни, изображенной на этом камне, – имя (Автора надписи? Того, кому она посвящена? – В.Ш.)

سید فرخ شاه (Сайид Фаррух-шо).

In the garden near the oston we can see a stone with inscriptions
(in Farsi) scratched on it – The right side of the stone bears
two stanzas of verse:

يارب تو سراي دلربارا
از دست سنگران نگه دار
يارب به ضعیفی نگه
ايداورسان ز بهشت باچار

Rough translation (by N.S. Terletsy, H. Fardzimi)

O God, protect home from the hands of the wicked (people)

O God, help the pauper with the strength of eight and four (imams revered by Ismaili are implied. – V.Sh.)

On the left side a hand is represented and a number of nearly illegible inscriptions.

The text and translation run from top to bottom.

«کبر سنگ زوم...»

“... [I] opened (my) soul...” (probably, by drawing these inscriptions. – V.Sh.)

«به دعایا کند حرکت کبرین خط...»

“He who has seen this legend, recall it with prayers”)

The open right palm is one of the most widespread symbols in Islam. In the Shiite tradition the five fingers mean *Pyanj Tan Paak* – the group of the five most revered stalwarts (Mohamed, his son-in-law Ali and daughter Fatima and their sons Hassan and Hussein). The group’s images rank with the most widespread images among the Pamirs’ petroglyphs. Some drawings of this kind are taken to be proof of this or that spot having been visited by imams. Others are regarded as man-made symbols.

Inside the palm represented on this stone there is a name (Is it its writer’s? Or its addressee’s? – V.Sh.)

سید فرخ شاه (Sayyid Farrukh-sho).

Кишлак Поршинева. Камень с нацарапанными надписями (на фарси) в саду у остона. 2013

Porshinev kishlak. Boulder with scratched inscriptions on it (in Farsi) in the garden near the oston. 2013

Самыми почитаемыми среди памирских исмаилитов религиозными деятелями являются праведный халиф и первый шиитский имам 'Али (599–661), его здравствующий потомок низаритской ветви, а также бадахшанский поэт, проповедник исмаилитского ислама на Памире, Насир-и-Хосров (1004 – после 1072).

The most revered religious figures among the Pamiri Ismailis are the righteous Caliph and first Shiite Ali (599–661), his living descendant in the Nizari branch and the Badakhshan poet and preacher of Ismaili Islam in the Pamirs Nasir-i-Khusraw (1004 – after 1072).

Кишлак Тем (Шугнан, долина Пянджа). Современный интерьер остона четвертого шиитского имама 'Али Зайн ал-Обиддина. Святылище состоит из двух помещений. Основное укрывает оставленные на огромном камне следы правой руки святого, второе используется для собраний верующих.

Tem *kishlak* (Shugnan, the Pyanj Valley). The interior of the fourth Shiite Imam Ali Zayn al-Abidin's *oston* is modern. The shrine consists of two chambers. The principal one shelters a huge boulder with imprints of the holy man's right hand and the other room is where the congregation meets.

Кишлак Поршинева. Современный памятник поэту, исмаилитскому проповеднику Насир-и-Хосрову рядом с его кадамджоем. 2013

Porshinev *kishlak*. Present-day monument to poet Nasir-i-Khusraw, preacher of Ismaili Islam in the Pamirs, next to his *cadamjoi*. 2013

Проповедник исмаилизма на Памире XI столетия Насир-и-Хосров
Nasir-i-Khusraw, eleventh-century preacher of Ismaili Islam in the Pamirs

...обряд возжигания огня
...the ritual of lighting a fire

В кишлаке Тусиён Рашткалинского района каждый четверг проходит необычный ритуал, отражающий представления шугнанцев о цикличности времени. Вечером в помещении почитаемого всеми памирцами остона Шобурхон-вали, религиозного деятеля XVI века, проводится обряд возжигания огня, символизирующий начало новой недели (в исламе сутки начинаются с заходом солнца). Возжигание сопровождается поклонением могиле святого и чтением молитв. Проведение обряда является обязанностью членов одной семьи, передающейся из поколения в поколение. Основную молитву читает мужчина, а действия с огнем производят женщины.

Every Thursday the Tusiyon *kishlak* of the Roshtkala District performs an unusual ritual that reflects the Shugnani notions of time cyclicity. In the evening the ritual of lighting a fire to welcome a new day is held in the *oston* of Shoburkhon-wali (in Islam a new day begins as the sun sets). The lighting ceremony is accompanied by homage to the holy man's grave and a prayer reading. Conducting the ceremony is the privilege of one family; it passes from one generation to the other, whereas fire is handled by women.

Из дневника экспедиции

Когда почти совсем стемнело, к мазару подошли Мааруф, его мать и сестра. Друг за другом мы вошли в святое место, и мать разожгла огонь в закопченной эмалированной чашке, наполненной маслом. Когда огонь разгорелся, Мааруф, совершив омовение, сделал намаз. В конце мы друг за другом, пятясь спиной ко входу, вышли из мазара, а женщина вынесла огонь на улицу и оставила догорать. попрощавшись с участниками ритуала, мы вернулись в Хорог.

From the Expedition Journal

When it grew almost pitch dark, Maaruf, his mother and sister came up to the *mazar*. One by one we entered the shrine and his mother lit fire in a smoked enamelled bowl filled with oil. When the flames got strong, Maaruf washed his hands and feet and prayed. In the end we made way to the exit with our backs turned in that direction, the woman took the burning oil out into the street and left it there to die. After saying good bye to the participants in the ritual, we returned to Khorog.

Погребальная обрядность на Памире несет в себе общеисламские, региональные и специфические для каждого памирского народа черты. Обычно кладбища находятся за пределами кишлаков, несколько выше их по склону долины или на многочисленных «даштах» – плоских террасах на высокогорье. Каждое поселение имеет свое общинное место упокоения. Похоронные и поминальные обряды памирцев носят исключительно коллективный характер. В них принимают участие все мужчины (в Ишкашине – и женщины) селения.

При обустройстве неглубокой могилы по сторонам ямы укладываются камни, сверху захоронение перекрывается парой каменных плит, над которыми насыпается скромный холмик. Ориентация погребения определяется нормами ислама: голова обращена на север, ноги – на юг, лицо – в сторону Каабы (фактически – на запад). Надгробные памятники не в обычае. Поэтому определить местоположение старых могил часто можно лишь по обнажившимся угловым камням. В Шугнани на погребениях часто лежат осколки посуды, с помощью которой обмывали голову покойного.

Со временем структура расселения жителей каждой памирской долины меняется. Растет и уменьшается население, землетрясения и сели меняют ландшафт, а завоеватели, центральные власти и международные организации заставляют горцев уходить с насиженных мест и заселять новые территории. Поэтому часто кладбища оказываются заброшенными. Но скудная земля Бадakhшана постоянно напоминает о предках: тут – на стене горной дороги хорошо виден десяток костяков; там – на месте добычи камней для строительства белеют черепа. Видимо, диссонанс между культом предков и невозможностью сохранить могильники, происхождение которых современным людям неизвестно, породил своеобразный феномен. Во многих селениях такие заброшенные кладбища приписывают различным иноземцам. Памирцы рассказывают гостям о «монгольских», «китайских», «киргизских» могилах, хотя их погребальные конструкции не отличаются от тех, что они сами сооружают над усопшими.

Funereal rituals in the Pamirs are marked by features characteristic of Muslims in general, by those typical of the region and by peculiarities of each particular Pamiri ethnic group. Here cemeteries usually are located outside of *kishlak* villages, higher up the slope of the valley – or on numerous *dashts*, flat terraces in the mountains. Each village has a burial ground exclusively for its own community. The local people's burial and commemorative rites are all of collective nature only. They are participated in by all the men of the village (in Ishkashim by all the women as well).

When digging the grave, which is not deep, they put some stones on each side and cover the pit with a pair of stone plates, on which a small heap of earth is placed. The orientation of the grave is determined by the Islamic rules: the head of the deceased should face the north, the feet southward, the face turned to the Kaaba (westwards, in fact). Tombstones or monuments are not customary. Therefore finding old graves is possible by bared cornerstones only. In Shugnan they often leave on the grave fragments of the vessels from which they washed the dead person's head.

The pattern of population and its composition in each Pamiri valley changes with time. Their population figures increase or decrease as earthquakes or landslides alter the terrain or as conquerors, central authorities or international organizations force the Pamiri to leave their old haunts and settle elsewhere. Therefore cemeteries are often abandoned. But the meagre soil of Badakhshan constantly reminds the local people of their ancestors as you can suddenly see a dozen bones in the side wall of a mountain road or white skulls in a road construction quarry. It appears that the clash between the ancestor cult and the impossibility of preserving the burial grounds whose origins are unknown has given rise to a curious phenomenon. In many villages they ascribe such abandoned cemeteries to various foreigners. The Pamiri will tell their guests tales about "Mongolian", "Chinese" or "Kyrghyz" burial grounds, although their graves do not differ in any respect from those they themselves make for their own deceased.

«Монгольские могилы» над кишлаком Тусиён. Рашткалинский район. 2013
“Mongolian graves” above Tusiyon kishlak. Roshtkala District. 2013

Кишлак Тусиён. Раштқалински район. 2013
Tusiyon kishlak. Roshtkala District. 2013

Шугнанец в традиционной шугнанской тюбетейке. 1946–1948

A Shughnani wearing a traditional Shughnan *tyubeteika* skullcap. 1946–1948

С середины XX столетия памирцы носят в основном вполне современную одежду, ее главным отличительным признаком стал головной убор – тюбетейка, украшенная шугнанским орнаментом (раньше горцы использовали бухарские «сартского» типа). В наши дни наибольшей популярностью пользуются шугнанские тюбетейки с кисточкой и орнаментированным ободком, верх которых обычно обшивается красным или зеленым бархатом. Их носят не только шугнанцы, но и другие народы.

Since the mid-twentieth century, the Pamiri have worn quite modern clothes, their main distinctive feature being the headgear – the *tyubeteika* adorned with Shughnan ornament (formerly they favoured the Sart type from Bukhara). These days particularly popular are Shughnan skullcaps with a tassel and an ornamented border, the tops of which are trimmed with red or green velvet. They are worn not only by the Shugni, but by other ethnic groups as well.

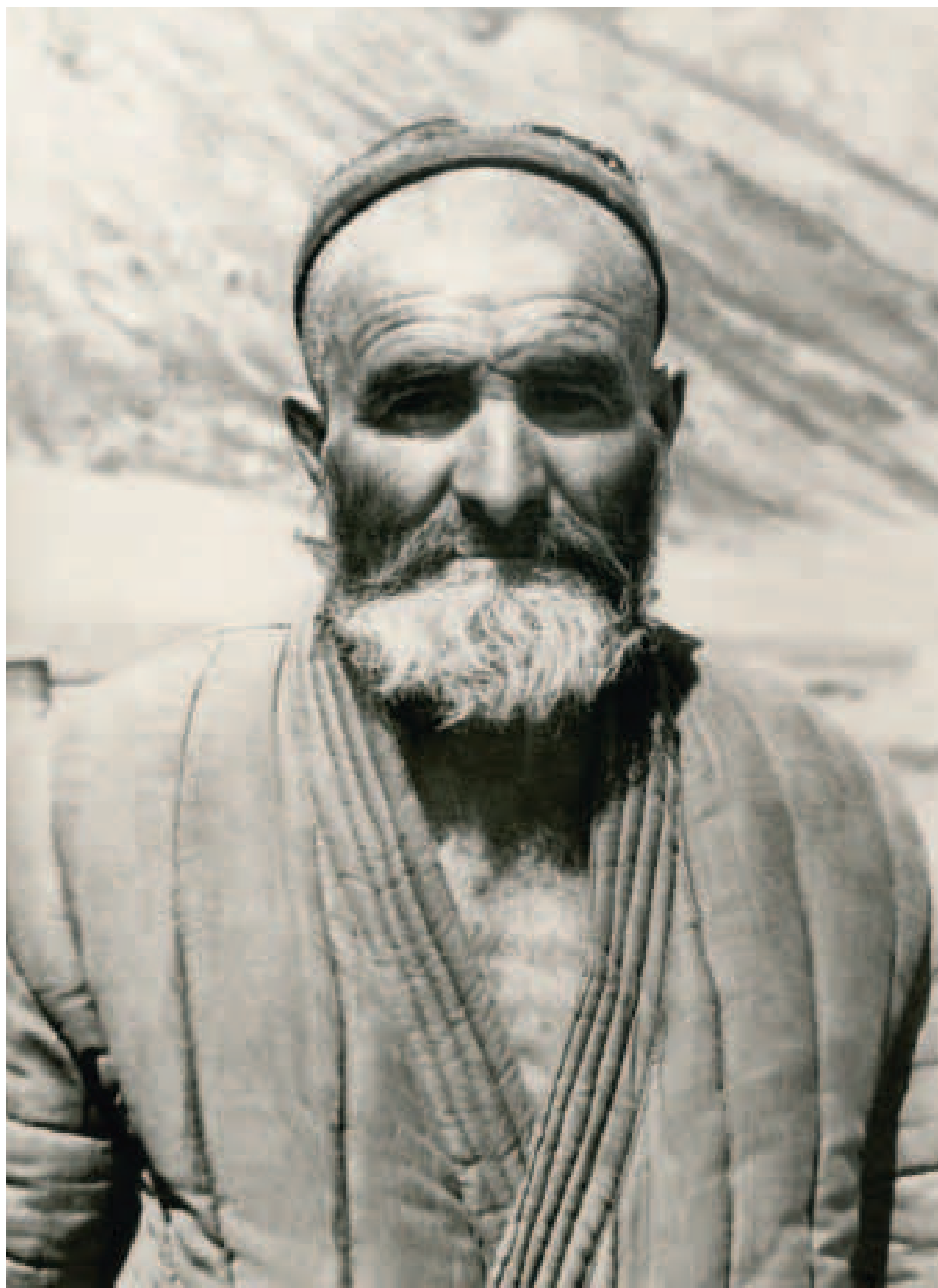
Шугнанец из кишлака Тусиён в традиционной шугнанской тубетейке. 2013
A Shugni man from the Tusiyon kishlak wearing a traditional local skullcap. 2013

Шугнанец Шахдары. 2013
A Shugni man from Shakhdara. 2013

Единственный свидетель
образования Сарезского
озера Миранб Гургалиев.
1946–1948

Miranb Gurgaliyev,
the only eyewitness of the
formation of Lake Sarez.
1946–1948

Дети около люльки. Шугнан. 1961
Children beside a cradle. Shugnan. 1961

Потомственные хранительницы остона четвертого шиитского имама
'Али Зайн ал-Обиддина. Кишлак Тем. Шугнанский район. 2013

Hereditary keepers of the *oston* of Ali Zayn al-Abidin, the fourth Shiite
imam. Tem *kishlak*. Shugnan District. 2013

Родственники и односельчане идут перед машиной с молодоженами. 1977
Relatives and fellow villagers before a car with newly-weds. 1977

Свадьба – одно из наиболее торжественных событий в жизни памирцев, сопровождаемое многочисленными обрядами. Долгое время браки на Памире заключались преимущественно между жителями одного кишлака или (реже) долины. Было распространено сватовство по инициативе родителей, иногда практиковались левират, сорорат, колыбельный сговор. Нормальным брачным возрастом для мужчин считался 12-летний, для женщин – 10-летний. Сегодня большая часть перечисленных особенностей ушла в прошлое. Советские нововведения, реформы исмаилизма, последствия гражданской войны, трудовая миграция и глобализация – все это влияет на брачное поведение, в целом упрощая его и лишая старинного своеобразия. Тем не менее, многие оригинальные черты свадебной обрядности сохраняются и по сей день. Современные свадьбы собирают большинство жителей кишлаков жениха и невесты. Начинается празднество угощением, музыкой и танцами в доме жениха, откуда его затем выводят два «дружики» вслед за халифой. После этого в сопровождении соседей свадебная процессия под музыку отправляется в дом невесты. Там его встречают словами «В дом вступает шах!».

Именно в доме невесты после угощения начинается собственно «венчание». Один из его участников подходит к очагу, наливает в специальную пиалу воду, кладет туда же мозговую кость и ставит все это в миску. Поверх миски он же кладет кусок холста, а на него – скалку. Все это выкладывается перед халифой, сидящим между двух свидетелей. Халифа читает молитву, а свидетели целуют ему руку, поднимаются к очагу и трижды спрашивают невесту: «Тело свое и душу сделала ли ты негреховными?», на что получают утвердительный ответ. Затем женщины символически бьют свидетелей по спине. Затем подавший воду отрезает от кости два куска мяса, а от специальных блинов – два ломтя. Все это символически пробуют жених с невестой. Остатки ритуальной пищи передаются халифе, а вода выливается под плодовое дерево. После этого брак считается заключенным, а молодые едут в дом мужа.

One of the most solemn events in the life of the Pamiri is the wedding, which involves numerous rituals. For a very long time, marriages in the Pamirs were customarily between the inhabitants of the same *kishlak* village or the same valley. The common practice was the parent-arranged match, but occasionally Levirate or Sororate marriages took place, as well as matches at the age of infancy. The usual marriage age for men was 12 and for women 10. Today most of the features mentioned above are things of the past. The Soviet innovations, the Ismaili reforms, the civil war consequences, the labour migration and globalization have all affected the marriage process and customs, on the whole simplifying them and depriving of former originality and colour. Nevertheless, many characteristic features of the wedding ritual have survived to this day. Present-day weddings bring together the majority of the inhabitants of the bride's and groom's villages. The celebration begins with a feast, music and dances in the home of the groom, who is then led out into the street by two groomsman, who follow the caliph. Next, the procession, accompanied by neighbours and musicians, moves to

Гости, приехавшие с женихом на свадьбу в дом невесты. 1977
Guests arriving with the groom at the bride's house. 1977

the bride's house. There the groom is greeted with the exclamation, "Here comes the shah of the house!" It is in the bride's home that the "wedding" proper begins. One of the participants comes up to the hearth, fills a special bowl with water, then puts there a marrowbone, placing everything inside a basin, which is then covered with a piece of linen cloth, surmounted by a rolling-pin. All these things are then placed in front of the caliph seated between two witnesses. The caliph reads a prayer, while the witnesses, after kissing his hand, rise and come to the hearth and thrice ask the bride, "Have you cleansed your body and soul from sin?" – getting a reply in the affirmative. Then the women participants symbolically strike the witnesses on the back. The person who earlier served water now cuts two lumps of meat off the marrowbone and two pieces off the special pancakes. The groom and bride symbolically taste the food. The remnants of the ritual food are given to the caliph and the water is poured under a fruit tree. After that the marriage is regarded as completed and the newly-weds go to the husband's home.

Группа музыкантов. Шугнанцы. Рощкалинский район. 1961
A group of musicians from Shugnan. Roshtkala District. 1961

Свадьба в кишлаке Барджангал. Рошткалинский район. 2013
Wedding in the Barjanghai kishlak. Roshtkala District. 2013

В доме невесты   In the bride's house

В доме жениха
In the groom's house

В доме невесты. 2013
In the bride's house. 2013

...свадьба
...wedding

Шугнанка из Шахдары.
Росткалинский район. 2013

A Shugni woman
from Shakhdara.
Roshtkala District. 2013

Кабулялю Баратова, секретарь
комсомольской организации
колхоза им. Ленина.
Шугнанский район. 1948

Kabulyalyu Baratova,
Komsomol unit secretary
in the Lenin Collective Farm,
Shugnan District. 1948

Памирские женщины, в отличие от представительниц других регионов Средней Азии, никогда не были изолированы от внешнего мира в стенах своего дома. Они не закрывали лицо, относительно свободно общались с мужчинами и принимали активное участие в праздниках, ритуалах и решении семейных и хозяйственных вопросов. Родство по женской линии фактически воспринималось как более близкое, чем по мужской; не распространено было многоженство. Тем не менее, в экономическом и социальном отношении женщина была неполноправна. Ее согласие не требовалось при заключении брака; ее приданное становилось собственностью семьи мужа; ей не полагалось наследство при наличии претендентов мужского пола; при разводе дети по умолчанию оставались с мужем. В советское время памирские женщины обрели юридическое равноправие с мужчинами. И все же половое разделение социальных функций и труда в памирских общинах остается достаточно жестким. Так, шитьем, вязанием, плетением и вышиванием занимаются исключительно женщины, они же готовят еду. Охота и домостроительство – чисто мужские занятия.

Unlike the females in other parts of Central Asia, the Pamiri women have never been confined within the walls of their home. They did not hide their faces, were relatively free to socialize with men and took an active part in festivals, rituals and discussions of household and domestic issues. In actual practice, matrilineality (kinship through the female line) was regarded as closer than patrilineality; polygyny was uncommon. Yet the woman was not equal socially and economically. Her consent was not required in matchmaking; her dowry became the property of her husband's family, she was not entitled to inheriting property if there were male claimants and in divorce her children by default remained with the husband. In Soviet times the Pamiri women were granted legal equality with men. Yet the gender-governed distribution of social functions in Pamiri communities has remained rather stiff. Thus, sewing, weaving and needlework, are done exclusively by women, who also do the cooking. Hunting and building houses are purely male occupations.

Отличницы учебы пионерка Максурова (слева)
и комсомолка Шахрухдаева (справа). 1948

Exemplary schoolgirls: Young Pioneer Maksurova (left)
and Young Komsomol Shahrudayeva (right). 1948

Жители Шугнана
«в современной одежде».
Росткалинский район. 1948

Inhabitants of Shughnan wearing
typical clothes of the day.
Roshtkala District. 1948

Переноска сена. 2013
Carrying hay. 2013

Переноска снопов с горных полей. 1961
Carrying sheaves from mountain fields. 1961

Игра местных футбольных команд на высоте 2850 м. Дивлох. 2013
Local football teams playing at an altitude of 2850 m. Divlokh. 2013

...спортивный праздник
...a local sport festival

Участникам экспедиции посчастливилось присутствовать на местном «спортивном празднике» в местности Дивлох (Рощкалинский район ГБАО, недалеко от кишлака Тусиён). В изумрудной долине выше уровня поселений, на берегу прозрачной речки собрались жители нескольких поселков. Центральным событием был матч между сборными кишлаков Лахшик и Жирпор (финал первенства района). Борьба была жесткой и напряженной, а болельщики «на трибунах» (сидя по краям поля) неистовствовали. Победу одержал «Жирпор», получивший из рук главы районной администрации небольшое денежное вознаграждение. Кроме того, неподалеку были проведены соревнования по волейболу. В ожидании состязаний болельщики и члены команд купались в реке.

2850

Высота
Altitude

The expedition members were lucky to witness what was referred to as a local sport festival in the locality called Divlokh (not far from the Tusiyon *kishlak*, Roshtkala District of the GBAO). The venue was an emerald-green valley lying above the settlement level, where the inhabitants of several villages gathered on the bank of a small clear river. The focal point was a football match between the teams of the Lakhshik and Jirpor *kishlaks* (the finals of the district championship). The struggle was intense and tough and the fans “on the platform” – seated in fact on the ground on the edges of the football pitch, raved supporting their teams. Jirpor won, getting a small award of money presented by the district administration head. In addition, a volleyball tournament was held nearby. While waiting for the sporting events, the spectators and teams bathed in the river.

Болельцики на матче
«Лакшик» – «Жирпор».
Дивлох. 2013

Fans watching a football
match between “Lakhshik”
and “Jirpor”. Divlokh.
2013

Дивлох.
Рошткалинский район.
2013

Divlokh.
Roshtkala District.
2013

Игра в волейбол. Дивлох. 2013
Playing volleyball. Divlokh. 2013

...спортивный праздник
...a local sport festival

«Большой памирский тракт имени И.В. Сталина» (дорога Хорог – Сталинабад). 1947

The I.V. Stalin “Great Pamiri Highway” (motor road Khorog – Stalinobod). 1947

«Памирский тракт» (дорога Ош – Хорог). 1947
“Pamiri Highway” (motor road Osh – Khorog). 1947

До второй четверти XX века Памир соединялся с другими регионами посредством небольших караванных троп, проходивших по немногим доступным тогда перевалам. С запада сюда можно было попасть через относительно доступные перевалы Дарвазского хребта (4100–4500 м), с севера – через заалайские Кызыл-Арт (4336 м) и Терс Агар (3598 м). С востока существует несколько высокогорных проходов в Сарыкольском хребте, а с юга – многочисленные выходы с Гиндукуша в бассейн Вахандарьи. Рассекающая Бадрахшан река Пяндж исторически использовалась в качестве транспортной артерии лишь на некоторых небольших участках, а продвижение вдоль нее было сопряжено с большими трудностями.

После установления Советской власти и вхождения в состав Таджикистана началось активное дорожное строительство. В 1932–1934 годах была построена автомобильная дорога Ош – Хорог, а к 1940 году – Хорог – Сталинабад (ныне Душанбе*), получившие общее название «Памирский тракт». Эти магистрали по сей день являются основными в транспортной инфраструктуре Памира. В постсоветский период для развития связей с Китаем было создано шоссе от Памирского тракта к перевалу Кульма на границе КНР и РТ.

*16 октября 1929 года Душанбе переименован в Сталинабад в честь И.В. Сталина. В 1961 году городу возвращено историческое название.

Until the second quarter of the twentieth century the Pamirs was linked with other regions by means of narrow caravan paths going by way of the then accessible mountain passes. From the west one could get here via the relatively accessible passes of the Darvaz Ridge (4,100 – 4,500 m); from the north one travelled via the trans-Alai passes of Kyzylart (4,336 m) and Ters-Agar (3598 m). In the east there are several high-altitude passes through the Sarykol Ridge and in the south numerous passes from the Hindu Kush into the basin of the Wakhan River. The Pyanj River that dissects Badakhshan has historically been used as a transport artery over short stretches of water, while travelling along its banks involved considerable difficulties.

After the Soviet power was established and the Pamirs was incorporated in Tajikistan, active road construction began. In 1932–1934 the motor road Osh – Khorog was constructed and by 1940 the road Khorog – Stalinabad (present Dushanbe*) had been launched, which were jointly called “The Pamiri Highway”. These roads have to date been the key elements of the Pamirs’ transport infrastructure. In the post-Soviet period, to develop links with China, they built a road from the Pamiri Highway to the Kulma Pass on the border of Tajikistan with the People’s Republic of China.

* On 16 October 1929, the city of Dushanbe was renamed Stalinabad after I.V. Stalin. The city’s historical name was reinstated in 1961.

Трасса Душанбе–Хорог. 2013
Motor road Dushanbe–Khorog. 2013

Природная «автомойка». 2013
Nature-provided car wash. 2013

Мост через Пяндж. 1889
Bridge across the Pyanj. 1889

Мост через Гунт. 2013
Bridge across the Ghunt. 2013

Источник Гарм-Чашма. 2013
Garm Chashma. 2013

... «Горячий ключ»
...“a hot spring”

На Памире находится огромное количество источников минеральных вод. Самыми известными и активно используемыми являются лечебные ключи Джелонди (Шугнанский район), Гарм-Чашмы и Ямчуна (Ишкашимский район).

Гарм-Чашма (в переводе с фарси – «Горячий ключ») находится в полусотне километров к югу от Хорога в долине одноименной реки, населенной небольшой общностью горонцев (таджикоязычных исмаилитов). В средней части Горона действует группа горячих источников сероводородно-углекислых вод. Издалека хорошо заметны травертиновые отложения (белоснежные известковые натечи), окаймляющие ключи. В натечах расположены естественные чаши, наполненные ярко голубой водой с характерным сернистым запахом. Это и есть основное место лечебных процедур, всегда полное людей. Уникальность воды Гарм-Чашмы в том, что она способна вылечить большую часть известных кожных заболеваний. Первые исследования были проведены здесь в 1928 году, хотя местные жители с незапамятных времен знали о полезных свойствах воды и отложений ключей и почитали их духа, которому посвящен расположенный над источниками остон.

There are large numbers of mineral water springs in the Pamirs. The most famous and actively used of them are the curative springs of Jelondi (Shugnan District), Garm Chashma and Yamchun (Ishkashim District).

Garm Chashma (meaning “a hot spring” in Farsi) is located about 50 km south of Khorog in the valley of the Garm River, inhabited chiefly by a small community of Goroni (Tajik-speaking Ismailis). In the central part of Goron, a group of hot springs with hydrogen sulfide and carbon hydrogen content is active. The white travertine (snow-white limestone deposits) surrounding the spring can be seen from afar. There are natural cups in the lime, full of bright blue water with a distinctive smell of sulphur. Those pools, always crowded with people, are the principal place for the therapeutic procedures. The unique quality of the Garm Chashma water is its healing effect on most of the known skin disorders. The first studies here were performed in 1928, whereas the locals had been aware, since time out of mind, of the medicinal properties of the water and travertine of the springs and worshipped their spirit, whose oston is found above the springs.

ТАДЖИКИСТАН
T A J I K I S T A N

оз. Каракуль
Lake Karakul

КИТАЙ
C H I N A

АФГАНИСТАН
A F G H A N I S T A N

ПАМИР
P A M I R

Р. Мургаб
River Murgab

Кух-и-Лал
Сист

Kukh-i-Lal
Sist

2400
2700

Средние высоты над уровнем моря
Altitudes above mean sea level

КУХ-И-ЛАЛ
KUKH-I-LAL

Из дневника экспедиции

Кух-и-Лал. Это место где добываются бадахшанские самоцветы: лазурит, рубин, турмалин, ну и, конечно, розовая шпинель. В самом селении мы увидели сельское кладбище, на могилах мы обнаружили разбитые чайники (особенность погребального обряда ишкашимцев). В гору к штольням нам помогли добраться местные ребята, а уже экскурсию по шахтам составили нам выпускник университета в Хороге геолог Факух и любитель единоборств и поклонник Федора Емельяненко Намоз.

From the Expedition Journal

Kukh-i-Lal. This is the place where the Badakhshan gem stones are mined, such as lazulite, ruby, tourmaline and, assuredly, pink spinel. In the village itself we saw a rural cemetery, with fragments of broken tea pots on the graves (this is a peculiarity of the Ishkashim burial ritual). We were shown the way to the mine in the mountains by the local kids, while the tour of the mines was conducted by geologist Fakukh, graduate of Khorog University, and Namoz, an enthusiast of martial arts and admirer of the Russian MMA athlete Fedor Emelianenko.

Добыча драгоценных камней на территории исторического Бадахшана началась в глубокой древности и продолжается по сей день. При этом одним из наиболее ценных и востребованных на Ближнем, Среднем Востоке и в Индии минералов был знаменитый «бадахшанский лал» – розовая шпинель, которую в древности не отличали от рубина. Такие всемирно известные камни, как «Рубин Черного принца» и «Рубин Тимура» – именно лалы. Добыча этих шпинельно-фосфоритовых образований была налажена в 5 км к югу от Горона, на южной стороне небольшого ущелья у левого берега Пянджа. Гора, на протяжении более тысячи лет приносящая людям чудесные камни, так и называется – Кух-и-Лал («Гора лалов»). Более 500 древних выработок пронизывают каменную толщу на глубину до 500 метров. Кроме лалов, рабочие извлекали из горы пирит, использовавшийся для шлифовки драгоценностей.

The mining of gem stones on the territory of historical Badakhshan began in remote antiquity, continuing to this day and age. Notably, the “Badakhshan lal”, as pink spinel from these parts is came to be known, has been one of the most sought-after minerals in the Near and Middle East and in India; in olden days they did not distinguish it from ruby. Such world-famous stones as *The Black Prince’s Ruby* and the *Timur Ruby* in the Royal necklace are genuine *lals*. The mining for those spinel-phosphorite minerals was organized in a locality 5 km south of Goron, on the southern side of a small crevice near the left bank of the Pyanj River. The mountain that has been yielding wonderful gems to humankind for over a thousand years is named accordingly: Kukh-i-Lal (Mountain of lals). Over 500 ancient pits pierced the rock to a depth of up to 500 meters. In addition to spinel, the colliers extracted from the pits pyrite, which was used in jewel polishing.

Кух-и-Лал. Вид с площадки перед
современной шахтой. Под деревом –
проводники экспедиции. 2013

Kukh-i-Lal. View from a compound
in front of the present-day mine.
The expedition guides are under the tree.
2013

Участники экспедиции и сотрудники шахты Кух-и-Лал. 2013
Expedition members and the staff of the Kukh-i-Lal mine. 2013

Вход в современную шахту. 2013
Entrance to the present-day mine. 2013

Вид на долину со стороны древних рудников. 2013
View of the valley from the ancient pits. 2013

Высота
Altitude

2700

...изображения на камнях ...graven images on rock

Петроглифы (изображения на камнях) разбросаны по всему Памиру и представляют собой естественную и, как следствие, наиболее распространенную форму самовыражения в данных природных условиях. Содержание этих памятников относится к разным эпохам и варьируется от примитивных изображений животных (наиболее распространенное – «битреугольный козел») до относительно подробных текстов, оставленных завоевателями и религиозными деятелями.

Petroglyphs (graven images on rock) are scattered all over the Pamirs and constitute a natural (and hence the most widespread) form of self-expression in that environment. The subjects of those monuments dating from different epochs varied from primitive representations of animals (the commonest being the bi-triangular mountain goat) to relatively detailed engraved texts left by conquerors and religious figures.

Геометрическая композиция из надписей-узоров арабской графики. Часть комплекса петроглифов в окрестностях кишлака Сист. Джамоат Андероб. Ишкашимский район. 2013
Во внутренних квадратах четырежды высечено слово «Аллах». Их внешняя граница «включает» повторяющийся эпитет Бога

فتاح («Открывающий» / «Разъясняющий»).

Линии букв последнего слова образуют свастику.
Предполагаемая атрибуция: писец Тимур Камбар Килич-бек, 1147 г.х./1734–1735 гг. (подпись начертана на одном из соседних камней).

Geometric composition formed by the tracery of inscriptions in Arabic. Part of the petroglyph complex in the vicinity of the Sist kishlak. Jamoat Anderob. Ishkashim District. 2013
Inside the inner squares the word “Allah” graven four times. Their outer border consists of the recurrent epithet of God

فتاح (“Opening” / “Explanatory”).

The lines of the letters in the last word form a swastika.
Suggested attribution: scribe Timur Kambar Ilich-bek, 1147 AH /1734–1735 (his signature inscribed on one of the neighbouring stones).

ТАДЖИКИСТАН
TADJIKISTAN

КИТАЙ
CHINA

ПАМИР
PAMIR

Область Вахан
Wakhan District

АФГАНИСТАН
AFGHANISTAN

ПАКИСТАН
PAKISTAN

Крепость Ямчун
Yamchun Fortress

Дриж
Drij

Вранг
Vrang

Ширгин
Shirgin

Ратм (граница Вахана)
Ratm (border of Wakhan)

Намадгут
Namatgut

Р. Мургаб
River Murghab

2600
3400

Средние высоты над уровнем моря,
на которых ведется хозяйственная деятельность.

Average altitudes at which sustained
economic activities are possible.

6700

Максимальная высота области
The maximum altitude in the GBAO

ВАХАН
WAKHAN

Намадгут · Ямчун · Вранг · Ширгин
Namatgut · Yamchun · Vrang · Shirgin

Вахан – самый южный из Памирских регионов. Он протянулся от места, где Пяндж поворачивает на север, до верховьев Вахандарьи (одного из истоков Пянджа). С севера страна ограничена Шахдаринским и Ваханским хребтами, с юга – Гиндукушем, отгораживающим Памир от теплых воздушных масс Индии. После раздела 1895 года территория Вахана к востоку от островного кишлака Ратм (т.е. все течение Вахандарьи) отошла к Афганистану, как и все левобережные поселения ваханцев. Главным, сразу бросающимся в глаза, отличием Вахана от областей ниже по течению Пянджа является резкое расширение долины реки. Многочисленные русла неторопливо несут свои воды на запад, образуя острова, покрытые кустарниками и лесами. Невдалеке на юге виднеются шести-семитысячники Гиндукуша.

Wakhan is the southernmost of the Pamiri regions. It extends from where the Pyanj River turns north and flows to the upper reaches of Wakhandarya (one of the sources of the Pyanj). In the north the area is bounded by the Shakhdar and Wakhan Ridges and in the south by the Hindu Kush, which shields the Pamirs from the Indian hot air masses. After the partition of 1895, the territory east of the island Ratm *kishlak* (i.e. the entire stretch of Wakhandarya) passed to Afghanistan, as well as all the left-bank settlements of the Wakhan. The striking, eye-catching difference of Wakhan from the localities in the lower reaches of the Pyanj is the sudden widening of the river. Its numerous branches slowly bring its waters west, forming islands covered with bushes and woods. Not very far southward one can see the Hindu Kush peaks rising to altitudes of six to seven thousand metres.

Вид на долину Пянджа с территории крепости Зебақджангал (неподалеку от кишлака Сумжин, Ишкашимский район). Форт расположен на скале с обрывистым склоном со стороны реки. 2013

View of the Pyanj valley from the territory of the Zebakjanganal fortress (not far from Sumjin *kishlak* in Ishkashim District). The fort is located on a cliff on the river. 2013

...долина Пянджа
...the Pyanj Valley

Ваханцы – второй по численности из памирских народов (до 70 тысяч человек) – разбросаны по горным долинам Таджикистана, западной части Синьцзян-Уйгурского автономного района, Афганистана и северного Пакистана. Таджикские ваханцы под влиянием работ востоковедов считают себя потомками сакских племен. Их язык относится к восточноиранской языковой группе, но сильно отличается от других памирских языков. Исторически именно через территорию Вахана проходила основная дорога через Памир на юг, в Индию. Первые определенные известия о регионе записаны китайским паломником Фас Яном на рубеже IV и V веков н.э. Значимость Вахана в качестве «транспортного узла» определила его сложную историю. Здесь постоянно проходили миграционные волны, велась борьба за контроль над трансконтинентальными коммуникациями. Величественными свидетельствами этих перипетий остаются развалины многочисленных крепостей, а также следы пребывания здесь последователей буддизма.

In terms of population figures, the Wakhani (pop. up to 70,000) rank second among the Pamiri peoples, who are scattered in the mountain valleys in Tajikistan, in the western part of the Xingjiang-Uygur Autonomous District, in Afghanistan and the north of Pakistan. Under the influence of today's Orientology scholars, the Tajik Wakhani regard themselves as descendants of the Saks tribes. Their language belongs to the East Iranian group, but it differs considerably from other Pamiri languages. Historically, it was through the territory of Wakhan that the main route across the Pamirs went south, into India. The first factual information about the region was recorded by Chinese pilgrim Fa-hsien at the turn of the 5th century. The significance of Wakhan as a "transport knot" determined its involved history. Here new waves of migration constantly rolled and struggle was ever waged for control over transcontinental communications. Imposing proof of the past dramatic events here is provided by the numerous ruins of fortresses, as well as by traces of Buddha followers in these parts.

Вид на юг с территории крепости Зебақджангал (неподалеку от кишлака Сумжин, Ишкашимский район). 2013.
В Ишкашиме и Вахане Пяндж спокойно течет по широкой долине, разделяясь на рукава. Острова на реке часто покрыты настоящими лесами.

View southward from the territory of the Zebakjungal fortress (not far from the Sumjin kishlak in the Ishkashim District). 2013.
In Ishkashim and Wakhan, the Pyanj quietly flows over a wide valley, splitting into branches in its course. The isles on the river are often covered with real woods.

Крепость Каахка на территории кишлака Намадгут-и-Поён. 2013
Kaakhka Fortress on the territory of Namatgut-i-Poyon kishlak. 2013

Крепость Каахка стоит на правом берегу Пянджа на территории кишлака Намадгут-и-Поён. Ее величественные развалины занимают ближайшую к реке скалистую возвышенность. Двойная линия мощных (до 12 м в высоту и до такой же величины в основании) стен и 56 башен сложены из плиточного камня и сырцового кирпича. В юго-западной части городища расположена цитадель с остатками прямоугольной постройки (вероятно, дворца) внутри. С северо-запада и с юга внутрь Каахки вели двое ворот. Южный вход завершался мостом через Пяндж, разрушенным в конце XIX века. Об экономическом процветании и нелегкой судьбе этого «блокпоста» на одной из ветвей «Шелкового пути» красноречиво свидетельствуют находки тарной керамики, монеты и наконечники стрел. Каахка была построена не позднее III века до н.э. и активно использовалась тохарами, а затем – местными правителями и завоевателями. Последними ее защитниками были советские пограничники, оставившие на территории археологического памятника оборудованные огневые и наблюдательные позиции, а также горы стреляных гильз. Тем не менее, в преданиях сегодняшних обитателей Намадгута Каахка – обитель злых и порочных кяфиров, побежденных пришедшим сюда для проповеди ‘Али.

The Kaakhka Fortress stands on the right bank of the Pyanj River on the territory of Namatgut-i-Poyon *kishlak*. Its majestic ruins occupy the rocky elevation nearest to the river. The double line of powerful walls (that are up to 12 m in height and the same width at the base) and its 56 towers are made of stone plates and unfired clay bricks. In the south-western part of the stronghold a citadel is found with remains of a square structure (probably, a palace) inside. Two gates were entrances from the north-west and south. The southern entrance was complemented by a bridge over the Pyanj, which was destroyed in the late nineteenth century. The economic boom and the hard days of this stronghold on one of the routes of the Silk Way are vividly evidenced by finds of receptacles, coins and arrow heads. Kaakhka was built not later than the third century B.C. and was actively used by the Tokhars and later by the local rulers and different conquerors. Its last defenders were Soviet border guards, who left behind equipped weapon emplacements and observation posts, as well as heaps of used cartridge-shells. Nevertheless, in the legends told by those who live in Namatgut these days, Kaakhka is an abode of wicked and vicious *kyafirs* defeated by Ali as he came here to preach.

Ямчун в джамоате Питуп Ишкашимского района – самый монументальный комплекс среди сохранившихся на Памире фортификационных сооружений. Крепость занимает обширный каменистый склон треугольной формы, «вырезанный» несущими воды в Пяндж реками Ямчун и Вахдуд (длина укрепленной части около 700 м). На террасах этого утеса расположены девятибашенная цитадель и (ниже) две обнесенных стенами площадки. Около сорока башен, двусторонние бойницы, двойные стены, единственные «фортифицированные» ворота, глубокие пропасти с трех сторон – крепость была рассчитана на решение серьезных военных задач.

Так же, как и Каахка, это укрепление было создано на рубеже греко-бактрийской и кушанской эпох и просуществовало более тысячелетия. И точно так же этот памятник у местного населения имеет дурную славу. Его именуют не иначе как Кафиркала («крепость неверных») или Сияхпуш (буквально – «одетая в черное», сияхпуши – отрицательные персонажи местных исторических преданий).

...«крепость неверных»
...«fort of the infidels»

Yamchun in the *jamoat* Pitup of the Ishkashim District is the most monumental of the historical fortifications surviving in the Pamirs. The structures of the stronghold occupy an extensive triangular stony slope cut by the waters of the Yamchun and Wakhdud Rivers flowing into the Pyanj (the extent of the fortified section is about 700 m). On the terraces of this cliff stands a nine-tower citadel and (below it) two walled compounds. The fortress included about forty towers, two-side embrasures, double walls, a single heavily fortified gate and abysses on three sides – the fortress was supposed to cope with really serious military tasks. Like Kaakhka, this stronghold was built at the turn of the Kushan epoch when it followed the Greco-Bactrian period – to exist for over a millennium. Also like Kaakhka, it has a bad reputation with the local people. It is almost invariably called *Kafirkala* (fort of the infidels) or *Siyahpush* (literally, “dressed in black”: *siyahpushes* are negative characters in local historical legends.

Ямчун в джамоате Питуп. Ишкашимский район. 2013
Yamchun in the jamoat Pitup. Ishkashim District. 2013

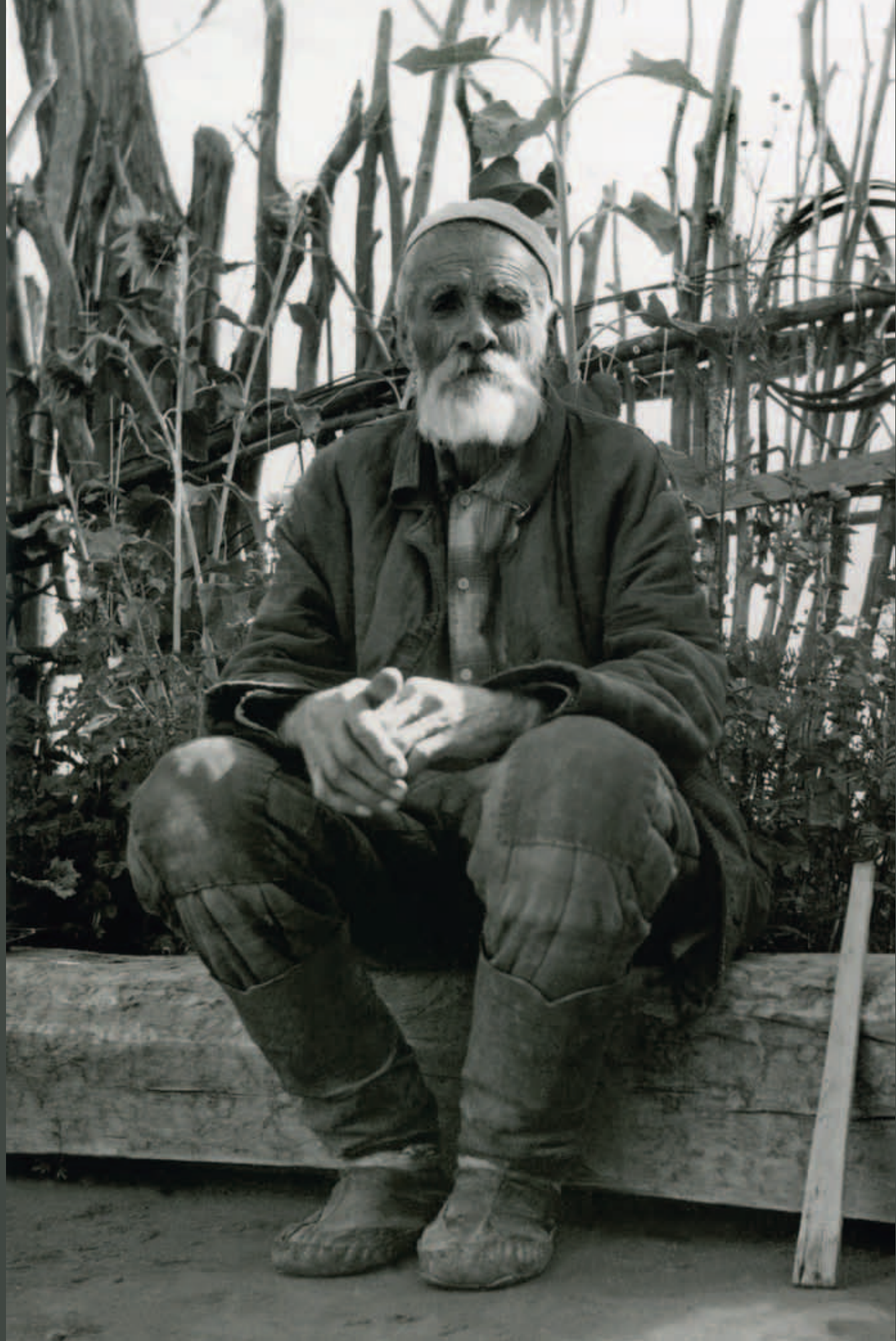
Заброшенный буддистский монастырь к востоку от кишлака Вранг (IV–VII века). Ишкашимский район. 2013

Abandoned Buddhist monastery (6th – 7th century) east of Wrang *kishlak*. Ishkashim District. 2013

Ступа в заброшенном монастыре к востоку от кишлака Вранг. Ишкашимский район. 2013

Stupa in an abandoned Buddhist monastery (6th – 7th century) east of Wrang *kishlak*. Ishkashim District. 2013

Прядение шерсти для вязания джурабов. Кишлак Вранг. 1977
Spinning wool for jurab knitting. Wrang kishlak. 1977

Ваханец в стариковской тубетейке. 1977
A Wakhani man in an old man's skullcap. 1977

Старшие члены ваханской семьи у очага. Кишлак Дриж. Ишкашимский район. 2013
Senior members of a Wakhani family by the hearth. Drij *kishlak*. Ishkashim District. 2013

Хозяйка ваханского дома у традиционного очага.
Именно в таких печах до сих пор пекут вкусные домашние лепешки.
Кишлак Вранг. 1977

Hostess of a Wakhani home by the traditional hearth.
They still make delicious flatbread at home. Wrang *kishlak*. 1977

Обмазка глиной каменных стен нового дома. 1977

Coating the walls of a new house with clay. 1977

Кишлак Ширгин, Ишкашимский район. 2013

Shirgin kishlak, Ishkashim District. 2013

Кишлак Ширгин.
Ишкашимский район.
2013

Shirgin kishlak.
Ishkashim District.
2013

Узкие извилистые улочки ваханского селения Ширгин. В отличие от многих других кишлаков, домовладения здесь строятся близко друг к другу, смыкаясь заборами. На левом верхнем фото хорошо виден украшенный рогами вход в остон.

Narrow tortuous streets in the Wakhan Village of Shirgin. Unlike many other *kishlaks*, the homesteads here are close to one another, their fences touching. The left upper photo shows a horn-decorated entrance to an *oston*.

Примерка
праздничной одежды.
Кишлак Дриж. Вахан.
2013

Trying on festive
clothes. Drij *kishlak*.
Wakhan. 2013

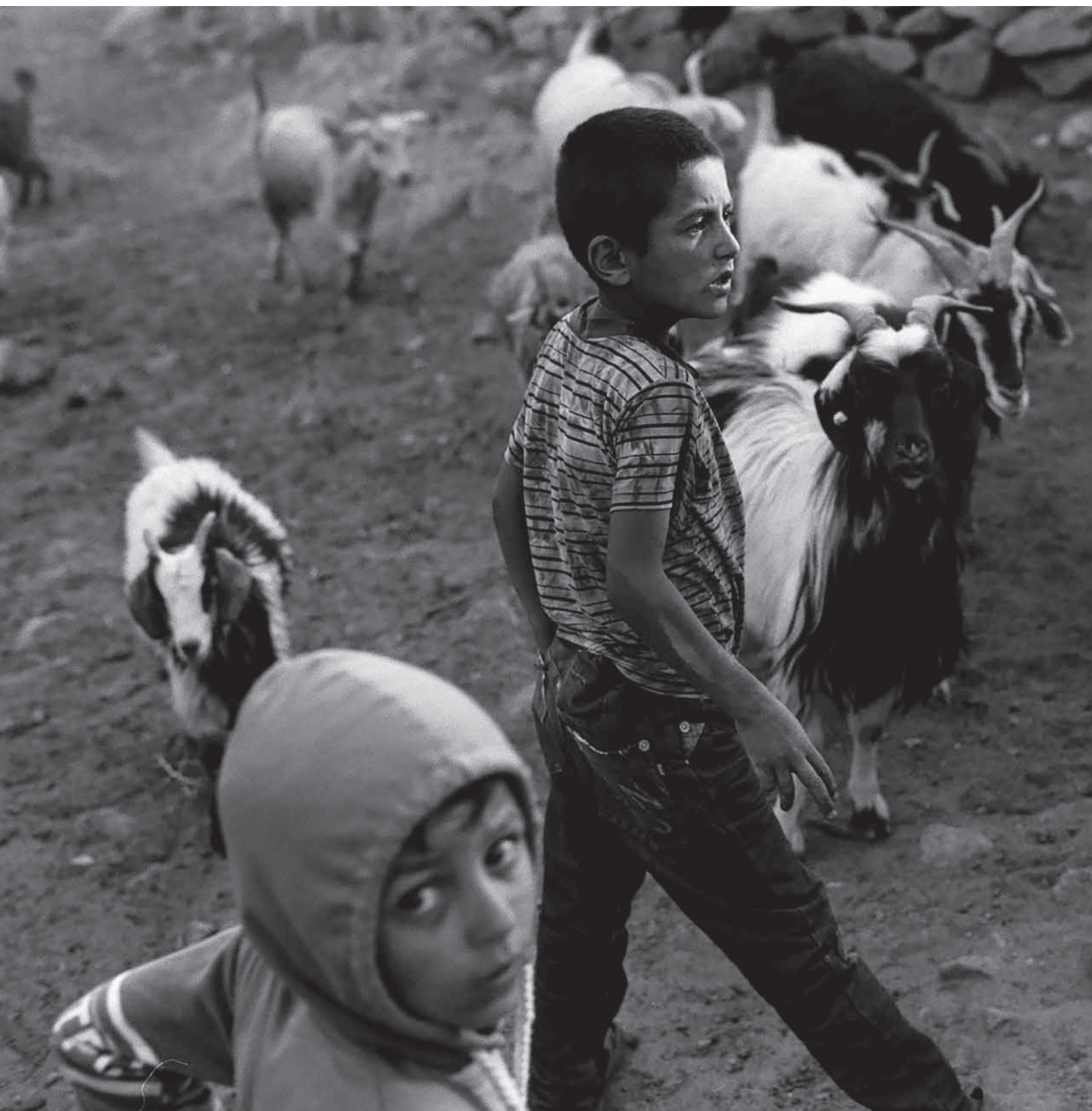
Проводники экспедиции. Кишлак
Ширгин. Ишкашимский район. 2013

Expedition guides. Shirgin kishlak.
Ishkashim District. 2013

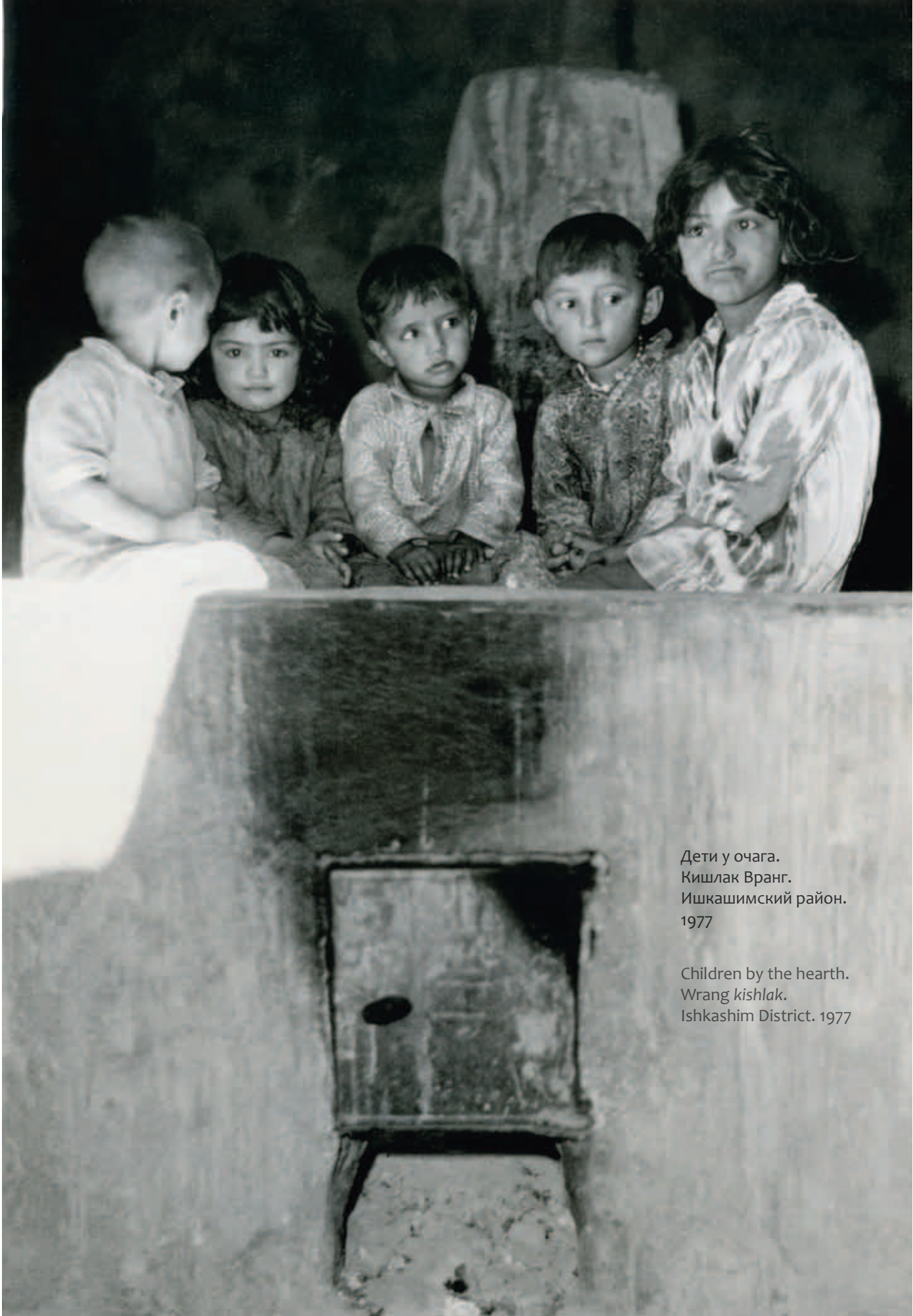
Жительница кишлака Дриж. Ишкашимский район. 2013
A woman resident of Drij kishlak. Ishkashim District. 2013

Повседневная жизнь ваханского кishlak Ширгин. Ишкашимский район. 2013
Everyday life of Shirgin kishlak in the Wakhan. Ishkashim District. 2013

Дети у очага.
Кишлак Вранг.
Ишкашимский район.
1977

Children by the hearth.
Wrang kishlak.
Ishkashim District. 1977

«Ванна» в жаркий день.
Ишкашимский район. 1977

Bathing on a hot day.
Ishkashim District. 1977

Памирец. Город Файзабад,
Афганский Бадахшан. 1900–1902

A Pamiri man. The town of Faizabad
Afghan Badakhshan. 1900–1902

Юные памирцы изучают
фотографа экспедиции. 2013

Young Pamiri inspecting
the expedition photographer.
2013

Укрепленный дом. Кишлак Ширгин. Ишкашимский район. 2013
A fortified house. Shirgin kishlak. Ishkashim District. 2013

Хозяйка
укрепленного дома.
2013

Woman owning
the fortified house.
2013

...укрепленный дом ...a fortified house

Один из своеобразных типов построек в Бадахшане – укрепленный дом. Археологи часто включают памятники этого типа в рубрику «укрепленные поселения», однако ряд строений, очевидно, предназначался для проживания одной семьи. Большинство сохранившихся укрепленных домов построены в последнюю эпоху конфликтов на Памире (XVIII–XIX вв.). Наиболее известен укрепленный дом на западной окраине кишлака Ширгин.

Здание занимает скалу, возвышающуюся над окружающей местностью. Одноэтажная четырехугольная каменная постройка имеет оборудованную парапетом и угловыми башнями крышу, площадку для стрельбы и укрепленный сад. Видимо, при определенных обстоятельствах здесь можно было пересидеть набег киргизов или конфликт с кем-нибудь из локальных князьков, однако к длительной осаде и артобстрелу «крепостицу» явно не готовили. Внутри дома кроме жилых помещений (мужская и женская комнаты, «гостиная») оборудованы стойла и хранилище. Освещаемое чорхоной внутреннее пространство, разделенное «капитальными» на вид перегородками, выглядит подчеркнуто брутально и лаконично, отсылая к суровой внешности самих ваханцев.

Замечательно, что давно не используемая в качестве жилья постройка заботливо поддерживается в порядке шингинцами. Роль гида и смотрителя выполняет общительная пожилая женщина, сохраняющая культурное наследие на добровольной основе.

One of the peculiar types of housing in Badakhshan is a fortified house. Archaeologists have often included monuments of this kind in the category of fortified “settlements”, but a number of buildings were obviously designed for one family only. The majority of the surviving fortified houses date from the last epoch of conflict in the Pamirs (the 18th – 19th century).

Particularly famous is the fortified house located on the western outskirts of the Shirgin *kishlak*. The building occupies a rock that rises over the surrounding terrain. The square one-storey stone building, complete with a parapet and four corner towers, has a ground for firearm shooting and a fortified garden. Presumably, under certain circumstances, the place could be used as a shelter to hide from a raid by the Kyrgyz or a conflict with a local warlord, but the “fort” clearly was not prepared to sustain a long siege or artillery bombardment. Inside the house, in addition to living quarters (men’s and women’s bedrooms and a living room) a stables and a storeroom are provided. The interior, lit with a *chorkhona* skylight and partitioned with walls that look rough, has an emphatically savage and austere appearance akin to the severe looks of the Wakhani themselves.

It is remarkable that the building that has not been used as a dwelling for a long time is taken such good care of by the local people. A genial old woman acts as a guide and custodian, preserving the monument, part of their cultural heritage, on a voluntary basis.

Интерьер укрепленного дома. Кишлак Ширгин. Ишкашимский район. 2013

Interior of the fortified house. Shirgin *kishlak*. Ishkashim District. 2013

...наблюдение за солнцем
...the position of the sun

На Памире наиболее характерным способом ориентации во времени является наблюдение за солнцем. Для фиксации его положения служили примитивные измерительные приборы и обсерватории.

В кишлаке Ямг местным uomo universale Мубараком Ваханским (1842–1902) был сооружен каменный календарь. Устройство состоит из большого укрепленного вертикально монолита с круглым отверстием в центре и двух каменных «арочек» на склоне соседней горы. По календарю можно точно узнать дни весеннего и осеннего равноденствия, а также зимнего солнцестояния.

In the Pamirs, the most characteristic timekeeping method relies on noting the position of the sun. To record its position, primitive instruments and observatories were used.

In the Yamg *kishlak*, the local uomo universale Mubarak Wakhansky (1842–1902) erected a stone calendar. The device consists of a vertically fixed monolith with a circular opening in the middle and two small stone “arches” on the slope of the nearest mountain. The calendar makes it possible to recognize the days of spring and autumnal equinoxes, as well as of winter solstice.

Каменный календарь в кишлаке Ямг. 2013
Stone calendar in Yamg *kishlak*. 2013

На с. 158–159 / On the pp. 158–159

Интерьер традиционного ваханского дома, женские украшения и благовония (внизу в центре). «Портрет» на ковре – изображение ‘Али. Музей «Шохимардон». Кишлак Намадгут-и-Поён. Ишкашимский район. 2013

Interior of a traditional Wakhani home, women’s ornaments and perfumes (bottom centre). The “portrait” on the carpet is a representation of ‘Ali. Shokhimordon Museum. Namatgut-i-Poyon *kishlak*. Ishkashim District. 2013

...музей «Шохимардон»
...the Shokhimordon Museum

Ваханец в традиционном головном уборе и халате – Мирзо Одинамамади, краевед, создатель музея «Шохимардон» в кишлаке Намадгут-и-Поён. 2013

A Wakhani man wearing a traditional skullcap and a robe: Mirzo Odinamamadi, researcher of local lore, history and economy, who created the Shokhimordon Museum in Namatgut-i-Poyon kishlak. 2013

Ишкашимец Кешварбек в современной одежде отдыхает в традиционном ваханском доме. 2013

Keshvarbek from Ishkazhim, in casual clothes of today, taking rest in a traditional Wakhani home. 2013

Ваханцы с традиционными инструментами. Наиболее распространенными на Памире являются рабоб и сетор. Вахан. 2013

Wakhani people with traditional musical instruments. The rubob and setor are the most typical of the Pamirs. Wakhan. 2013

Атитан Гуломнабиев с сетором. Кишлак Ямг. Ишкашимский район. 1971–1973
Atitan Gulomnabiyev with a setor. Yamg *kishlak*. Ishkashim District. 1971–1973

Абдулла Касымов с рабобом. Кишлак Ширгин. Ишкашимский район. 1977
Abdulla Kasymov with a rubob. Shirgin *kishlak*. Ishkashim District. 1977

Таджикский Вахан заканчивается (или начинается) в месте слияния рек Вахандарья и Памир. Здесь, на красивом зеленом островке, расположен кишлак Ратм. Дорога и граница сразу за селением забирают резко вверх и на северо-восток, к перевалу Харгуши (Заячьему) высотой 4344 м. Наша первая попытка подъема закончилась поломкой трамблера многострадальной «Нивы». Пришлось «на честном слове» скатиться обратно к Ратму в надежде на помощь ваханцев. Надежда, как всегда в этом гостеприимном краю, оправдалась.

Tajikistan's Wakhan ends (or begins) at the confluence of the Wakhandarya and Pamir Rivers. Here stands Ratm *kishlak* on a beautiful green isle. Beyond the village, the road and the border abruptly go up, towards Khargushi (Zayachi – hare's) Pass at 4,344 m. Our first attempt at ascending it ended in a failure as the distributor of our wretched Niva car engine broke down. We had to roll back as best we could, returning to Ratm in the hope of getting help from the local Wakhani. The hope came true, as is always the case in these hospitable parts.

...к перевалу Харгуши

...towards Khargushi Pass

Высота
Altitude

4344

ТАДЖИКИСТАН
TADJIKISTAN

оз. Каракуль
Lake Karakul

КИТАЙ
CHINA

ПАМИР
PAMIR

Область Мургаб
Murghab District

Аличур
Alichur

Башгумбез
Bashgumbez

Мургаб
Murghab

Заячий перевал (Харгуши)
Zayachi Pass (Khargushi)

Жарты-Гумбез
Jarty-Gumbez

р. Мургаб
River Murghab

АФГАНИСТАН
AFGHANISTAN

ПАКИСТАН
PAKISTAN

3500
4200

Средние высоты над уровнем моря,
на которых ведется хозяйственная деятельность.

Average altitudes at which sustained
economic activities are possible.

Максимальная высота области
The maximum altitude in the GBAO

7495

МУРГАБ MURGHAB

Харгуши · Аличур · Жарты-Гумбез · Яшилькуль
Khargushi · Alichur · Jarty-Gumbez · Yashilkul

Мургабский район занимает более половины площади Горно-Бадахшанской автономной области (всю ее восточную часть). На большей части этой территории – в высокогорной пустыне – земледелие невозможно. Поэтому с незапамятных времен Мургаб был населен кочевниками. Следы их пребывания в виде курганов и петроглифов разбросаны по всему региону. С XVI века эстафету приняли памирские киргизы, по сей день составляющие основное население района.

Они пасут овец, яков и лошадей, живут в юртах и совершенно не похожи на своих ираноязычных соседей.

Восточный Памир был и остается важным в стратегическом отношении «перекрестком», где пересекаются пути из Китая в Среднюю Азию и из Казахстана в Афганистан, Пакистан и Индию. Поэтому именно сюда в 1876 году поднялся первый русский отряд, а первой «столицей» российского Памира стал основанный в 1892 году поселок Мургаб, который и сегодня остается крупнейшим населенным пунктом одноименного района, где проживает более шести тысяч человек.

Murghab District occupies over half the territory of Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast (the whole of its eastern part). The highland desert covering most of this territory is not arable. For this reason Murghab has been populated by nomads since time out of mind. Traces of their stay in the form of mounds and petroglyphs are scattered all over Murghab. The latest wave of nomads comprised the Kyrgyz, who arrived in the sixteenth century and have stayed to date, accounting for the bulk of the District population. They herd sheep, yaks and horses, live in yurt tents and do not in the least resemble their neighbours speaking languages derived from Iranian. The Eastern Pamirs has always been a strategically important crossroads, where routes intersect that lead from China into Central Asia and from Kazakhstan into Afghanistan, Pakistan and India. For this reason it was here that a Russian detachment came in 1876 and the settlement Murghab that they founded in 1892 later became the first “capital” of the Russian Pamirs; it still remains the largest settlement in the district bearing the same name and having a population of over six thousand.

Мургаб – наименее населенная часть региона с суровым климатом. Горные хребты Восточного Памира окружены преимущественно плоскими пустынными равнинами, лежащими на высоте 3200–3800 м над уровнем моря. По широким долинам на запад неспешно текут реки. Самые крупные из них, Аличур и Аксу, пересекают Мургаб, чтобы, ускорив течение, превратиться в Гунт и Мургаб. Много здесь и озер, самое большое из которых, Каракуль, имеет площадь 380 кв. км.

Murghab is the most sparsely populated part of this region with a severe climate. The ridges of the Eastern Pamirs are surrounded by predominantly flat plains lying at an altitude of 3,200 to 3,800 m above sea level. Here slow rivers flow west over wide valleys. The largest of them, the Alichur and Alsu Rivers, cross Murghab, then begin to flow faster and turn into the Ghunt and Murghab Rivers. Lakes are also numerous in these parts, the largest being Lake Karakul covering an area of 380 square km.

3200

Высота
Altitude

3800

Киргизская женщина рядом с летовкой.
Район урочища Жарты Гумбез. 2013

A Kyrgyz woman near a summer yurt camp.
Jarty-Gumbez locality. 2013

Киргизы впервые отмечены на Памире во второй половине XVI века. Их кочевья занимали как территории Большого Памира, так и отошедшие в 1895 году к Афганистану труднодоступные и почти непригодные для жизни районы Малого Памира, охватывающего северную оконечность Ваханского коридора (высота долины – 4500 м). После разграничения небольшая группа киргизов (40 семей) оказалась изолированной на афганской территории. Большая часть народа осталась в относительно благоприятном для их хозяйства Мургабе.

Традиционным занятием киргизов остается горное скотоводство. Наиболее экзотическим из разводимых ими животных являются яки, зачастую заменяющие одновременно коров, овец (так как дают шерсть) и лошадей (систематически используются для верховой езды).

Сегодня многие киргизы живут в стационарных населенных пунктах, сменив жизнь скотовода на профессии, связанные с обслуживанием важнейшего торгового маршрута, идущего из Китая. Тем не менее, около многих домов стоят юрты, более привычные вчерашнимномадам.

The Kyrgyz were for the first time recorded in the Pamirs in the second half of the sixteenth century. Their nomad territories covered not only certain parts of the Great Pamirs, but also some areas of the Little Pamir in the northern part of the Wakhan Corridor (the valley at an altitude of 4,500 m) – very difficult of access and scarcely habitable, – which in 1895 passed to Afghanistan. After the partition, a small group of the Kyrgyz (40 families) were isolated from the Afghan territory. The majority of the ethnoses remained in Murghab, which was relatively favourable for their economy. Cattle and livestock rearing has traditionally remained the Kyrgyz staple occupation. The most exotic of the animals they breed are yaks, who often combine the functions simultaneously of cows, sheep (as they yield wool) and horses (as they are systematically used to ride on).

Today many of the Kyrgyz live in settled communities after switching over from herding to jobs required for servicing the vital trade route leading from China. Nevertheless, yurts, which the nomads of yesterday find more customary, can still be seen pitched next to many urban-type residences.

4500

Высота
Altitude

Район урочища Жарты-Гумбез. 2013
Jarty-Gumbez locality. 2013

Памирский киргиз на охоте. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890
A Pamiri Kyrghyz man at a hunt. Photograph from B.L. Grombchevsky's expedition album. 1889–1890

Яки. Мургабский район. 2013
Yaks. Murghab District. 2013

Киргизская юрта. Мургабский район. 1946
A Kyrgyz yurt. Murghab District. 1946

Киргизская юрта. Окрестности урочища Жарты-Гумбез. 2013
A Kyrgyz yurt. Outskirts of the locality named Jarty-Gumbez. 2013

Юрта – предельно простая и универсальная конструкция. Собираемая за 40 минут детьми и женщинами, она служит полноценным домом для киргизской семьи.

The yurt is an extremely simple and versatile structure. Easy to assemble within 40 minutes by women and children, they serve as fully adequate homes for Kyrgyz families.

Внутри киргизской юрты. Окрестности урочища Жарты-Гумбез. 2013
Inside a Kyrgyz yurt. Outskirts of the locality named Jarty-Gumbez. 2013

«Той» – праздничный стол в киргизской юрте.
Район реки Кокуй-Бель. Мургабский район. 1948

“Toi”, a festive meal in a Kyrgyz yurt.
The Kokui-bel River bank. Murghab District. 1948

Киргизская юрта. Район реки Кокуй-Бель. Мургабский район. 1948
A Kyrgyz yurt. The Kokui-bel River bank. Murghab District. 1948

...«Космический» спортзал
...“Space-style” gym

«Космический» спортзал в населенном
пункте Баш-Гумбез. Мургабский район. 2013

“Space-style” gym in Bash-Gumbez Village.
Murghab District. 2013

Урочище Жарты-Гумбез. Популярное охотничье хозяйство. 2013
Jarty-Gumbez locality. A popular hunting ground. 2013

Поселок Аличур. Мургабский район. 2013
Alichur Village. Murghab District. 2013

Халифа А. Кадамшоев. 1977
Caliph A. Kadamshoyev. 1977

Старик-строитель в старой одежде. 1961
An old construction worker in traditional clothes. 1961

Долина р. Аличур и «окраина» одноименного
поселка. Мургабский район. 2013

Valley of the Alichur River and edge of the village
of the same name. Murghab District. 2013

Гостиница в поселке Аличур. Мургабский район. 2013
Hotel in Alichur Village. Murghab District. 2013

Гумбез (киргизский мавзолей).
Мургабский район. 2013

Gumbez (Kyrgyz mausoleum).
Murghab District. 2013

Гумбез. Долина реки Аличур. Мургабский район. 1946
Gumbez. Valley of the Alichur River. Murghab District. 1946

Баш-Гумбез. Долина реки Аличур. Мургабский район. 2013
Bash-Gumbez. Valley of the Alichur River. Murghab District. 2013

...киргизский мавзолей
...Kyrgyz mausoleum

Озеро Яшилкуль. Фотография из альбома экспедиции Б.Л. Громбчевского. 1889–1890
Lake Yashilkul. Photograph from B.L. Grombchevsky's expedition album. 1889–1890

Озеро Яшилкуль находится на западе Мургаба на высоте более 3700 м и представляет собой огромную «запруду» на реке Аличур, образовавшуюся в результате давнего землетрясения. С западной оконечности Яшилкуля вытекает Гунт. Таким образом, это пограничная зона между Восточным Памиром и историческим Бадахшаном.

С древнейших времен район Яшилкуля служил важнейшим транспортным узлом, где сходились пути из Шугнана, Вахана, долины Бартанга со стороны Ферганы и Восточного Туркестана. Здесь же не раз встречались претенденты на власть над Памиром.

Последний раз великие и малые державы столкнулись здесь в 1870-х – 1890-х годах. До этого малоизученный регион был фактически ничейным, формально подчиняясь то Коканду, то Бухаре, то бадахшанскому эмиру. В 1883 году здесь прошла граница сфер контроля афганцев и китайцев.

Летом 1891 года русский отряд М.Е. Ионова прошел через эти земли в ходе знаменитой рекогносцировки, завершившейся небольшим вторжением в находившиеся под контролем англичан Ясин и Читрал. На обратном пути полковник заставил уйти с Яшилкуля китайских пограничников, а маньчжурские каменные знаки, свидетельствовавшие о территориальных претензиях империи Цин, увез в Фергану. Летом следующего (1892) года Ионов вернулся на Памир во главе отряда в тысячу человек. К этому времени на озере, у облюбованного еще китайцами урочища Соматаш, появился афганский пограничный пост.

Основные события развернулись 12 июля на берегу Яшилкуля. Окружив немногочисленных (18 штыков) афганцев, полковник Ионов предложил им покинуть российскую территорию. Гулям-Хайдар-хан, командир афганцев, отказался. После этого последовала импровизированная попытка разоружить пикет, закончившаяся гибелью девяти пуштунов и ранением трех казаков, ставшая единственным боем в ходе присоединения Мургаба к России. Афганцы больше не пытались продвинуться на восток, а последние цинские дозоры ушли за Сарыкольский хребет в 1893 году. Сегодня о былом значении Яшилкуля напоминают лишь развалины караван-сарая на его восточном берегу.

Located in the western part of Murghab at an altitude of over 3,700 m, Lake Yashilkul must have been formed as a result of an ancient earthquake damming the Alichur River. The western extremity of the lake is where the Ghunt River rises. It is worthy of note also that this is a border zone between the East Pamirs and historical Badakhshan.

From time out of mind, Lake Yashilkul was an important crossroads where routes from Shugnan, Wakhan and the Bartang Valley intersected. This is also where those who pretended to control over the Pamirs fought more than once.

The last time when great and minor powers clashed here was in the 1870s – 1890s. The hitherto almost unexplored area was practically under nobody's sway, formally subordinate now to Kokand, then to Bukhara and now to Badakhshan emir. In 1883 it became the border between the Afghan and Chinese dependencies.

In the summer of 1891, a detachment of Russian troops under M.E Ionov passed through these lands, the raid culminating in minor incursions on Yasin and Chitral, which were under British rule. On their way back, Colonel Ionov forced the Chinese guards to leave Yashilkul, taking with him to Bukhara the Manchurian stone marks evidencing the Qing Empire's territorial claims. In the summer of the following year (1892), Ionov returned to the Pamirs leading a 1,000-strong squadron. By that time an Afghan border post had appeared on the lake, near Soma-tash locality that had been earlier fancied by the Chinese.

The main action took place on the shore of Yashilkul on 12 July 1892. After surrounding the few Afghan border guards (12 troops), Col. Ionov offered them to leave the territory of Russia. The Afghan commander Gulam-Khaidar-khan refused to do so. That was followed by an improvised attempt to disarm the Afghan squad, resulting in the death of nine Pashtu soldiers and three Cossack injuries, which was the only combat in the course of annexing Murghab to Russia. The Afghans never again tried to move east, whereas the last Qing patrols retreated beyond the Sarykol Range in 1893. Today nothing but the caravan-sarai ruins on the eastern shore of the lake reminds one of Yashilkul's former importance.

Восточный берег озера Яшилькуль. Мургабский район. 2013
Eastern shore of Lake Yashilkul. Murghab District. 2013

Рыбная ловля на озере Яшилкуль. 1946
Fishing on Lake Yashilkul. 1946

Рыбак с озера Яшилькуль. 2013
Fisherman from Lake Yashilkul. 2013

Долгое время влияние крупных государств на Памире было слабым. Поэтому границы в регионе обозначались только на наиболее значимых участках. Кроме того, ряд памятных знаков и надписей отмечал места важных (с точки зрения изготовителей «монументов») событий.

В 1759 году только что покорившие Восточный Туркестан цинские войска в погоне за отрядом кашгарских ходжей ворвались в Мургаб. Догнав противника у восточного берега Яшилкуля, маньчжуры нанесли ему последнее поражение. В честь этого события победителями был сооружен небольшой мемориальный комплекс, ключевыми элементами которого стали каменные панели с рассказом о «триумфе» и украшенный китайским орнаментом монолит. Сам необычный монумент памирские киргизы окрестили Соматаш («таш» – камень).

Сто тридцать лет сооружение пребывало в забвении, внося разнообразие в пустынный пейзаж. Однако в кульминационный момент борьбы китайцев, русских, англичан и афганцев за Памир памятник неожиданно оказался в круговороте политической истории. Если поначалу (в 1880-е годы) кое-кто еще обращал внимание на содержание надписей Соматаша, свидетельствовавших исключительно о победе маньчжуров над ходжами, то посетивший урочище в 1889 году Б.А. Громбчевский уже считал его пограничным знаком, маркировавшим сферу влияния Цинского Китая. Так же воспринимал его английский разведчик Ф. Янгхазбенд, работавший здесь одновременно с Громбчевским. Оба «солдата» Большой игры настолько уверовали в «исторические права» восточной империи на эту часть Памира, что наперебой стали призывать представителей кашгарской цинской администрации занять территории, принадлежавшие им по праву, а Ф. Янгхазбенд даже пытался изгнать оккупировавших урочище афганцев (находившихся под протекторатом Британии!). История закончилась закономерно: русские в 1892 году вывезли каменные панели с надписями и Соматаш в Фергану. Но на этом приключения мемориального комплекса не закончились.

Сохранились свидетельства того, что в 1893 году Соматаш хранился в Ташкентском музее. В начале XX века, после Гражданской войны, его след потерялся. Однако по данным, опубликованным некоторыми исследователями, в 1984 году камень находился в основании памятника В.И. Ленину в г. Хорог.

For a long time the influence of major foreign powers was negligible in the Pamirs. Consequently, borders here were only demarcated in the most significant places. There were also a number of commemorative marks and inscriptions for some events deemed important (by those who made the “monuments”).

In 1759 the Qing army, which had just conquered Eastern Turkmenistan, swept into Murghab in pursuit of the fleeing Khojas. Catching up with the enemy, the Manchurians inflicted the final defeat on them. A small monument was erected to commemorate the event, whose key elements were stone tablets with an account of “the triumph” and a monolith decorated with Chinese ornament. The Kyrgyz Pamiris themselves came to call the unusual monument Soma-Tash (“tash” meaning ‘stone’).

For a hundred and thirty years the monument remained in obscurity, just adding diversity to the desert scene. However, at a certain momentous point of the struggle for the Pamirs by the Chinese, Russians, Britishers and Afghans, the memorial found itself at the centre of the political history vortex. While initially (in the 1880s) hardly anybody paid attention to the content of the inscriptions at Soma-Tash, which only recorded the Manchurians’ victory over the Khojas, B.L. Grombchevsky, who visited the locality in 1889, already regarded it as a border sign that marked the Qing Empire’s sphere of influence. The British intelligence agent F. Younghusband, who worked there concurrently with B.A. Grombchevsky, treated the issue in the same way. Both of the Great Game soldiers believed in the “historical sovereignty” of the Oriental Empire over this part of the Pamirs so much that they began to call upon the representatives of the Qing administration to occupy the territories that belonged to them by right; F. Younghusband even tried to evict the Afghans (whose country was under British protectorate!). The story had a logical ending: in 1892 the Russians moved the stone plates with inscriptions from Soma-Tash to Bukhara. That, however, was not the end of the vicissitudes of the memorial.

Evidence survives that in 1893 Soma-Tash was kept in the Museum of Tashkent. In the early twentieth century, after the Civil War, they lost track of it. Yet, according to the data published by some researchers, in 1984 the stone was at the base of the pedestal of the monument of V.I. Lenin in Khorog.

The photograph used in the present publication is dated 1948 and was taken on the shore of Yashilkul. It may throw some light on one of the unknown pages in the history of ill-starred Soma-Tash.

«Китайский камень» Соматаш. Район озера Яшилкуль. 1948
Soma-Tash "Chinese stone". Vicinity of Lake Yashilkul. 1948

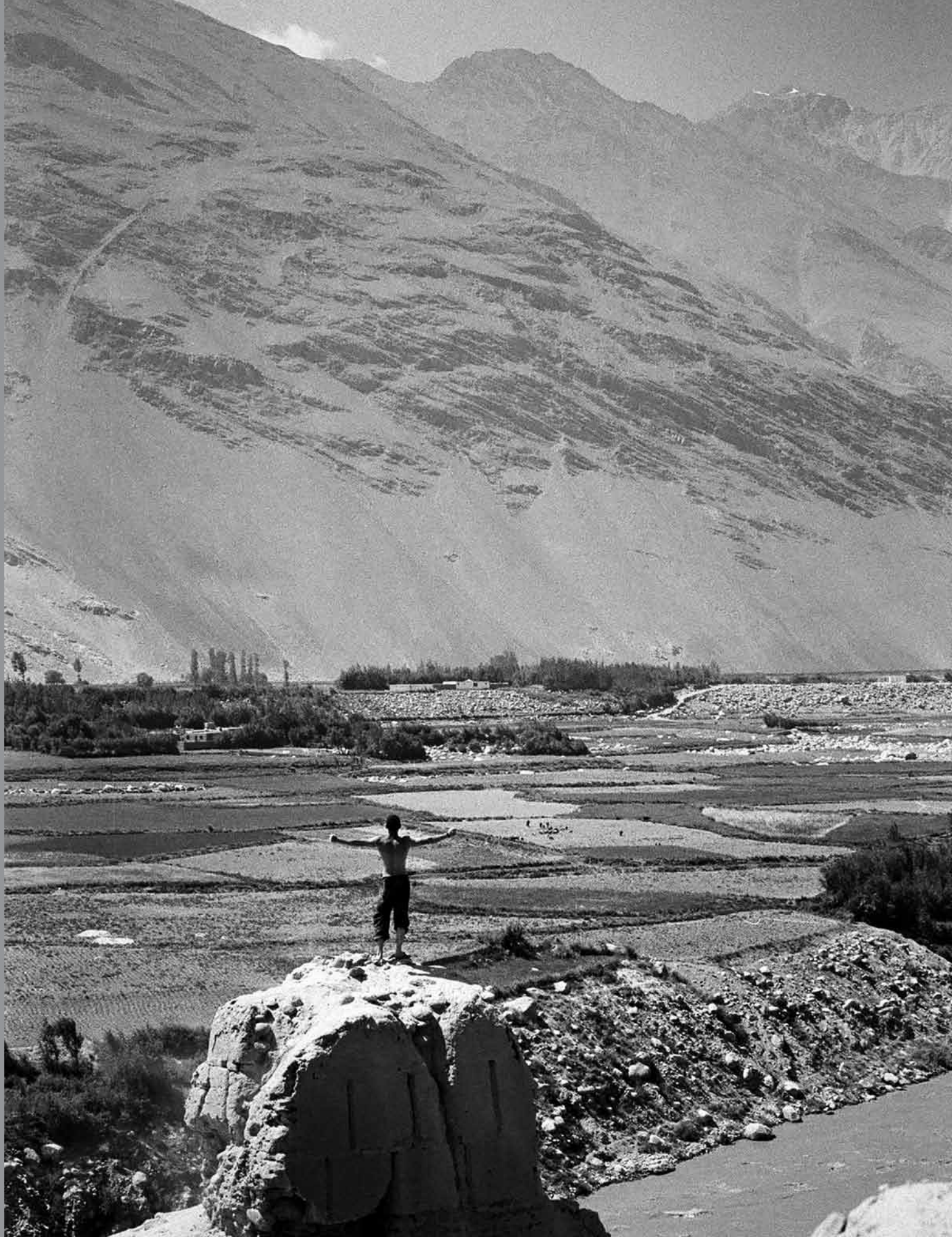
На границе Мургаба и Шугнана. 2013
On the border between Murghab and Shugnan. 2013

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ

INDEX OF HISTORICAL PHOTOGRAPHS

КОЛЛЕКЦИЯ 47 Фотограф С.М. Дудин. 1900–1902 47-130а (с. 150)	COLLECTION 47 Photographer S.M. Dudin. 1900–1902 47-130a (p. 150)
КОЛЛЕКЦИЯ 2394 Фотограф Павловский (до 1908) 2394-8 (с. 20)	COLLECTION 2394 Photographer Pavlovsky (before 1908) 2394-8 (p. 20)
КОЛЛЕКЦИЯ 5431 Фотограф Б.Л. Громбчевский. 1889–1890 5431-1 (с. 28); 5431-7 (с. 31); 5431-9 (с. 208); 5431-12 (с. 29); 5431-14 (с. 35); 5431-18 (с. 36); 5431-19 (с. 34); 5431-20 (с. 21); 5431-23 (с. 32); 5431-24 (с. 4–5); 5431-26 (с. 33); 5431-27 (с. 108); 5431-30 (с. 38); 5431-33 (с. 37); 5431-43 (с. 39); 5431-45 (с. 182)	COLLECTION 5431 Photographer B.L. Grombchevsky. 1889–1890 5431-1 (p. 28); 5431-7 (p. 31); 5431-9 (p. 208); 5431-12 (p. 29); 5431-14 (p. 35); 5431-18 (p. 36); 5431-19 (p. 34); 5431-20 (p. 21); 5431-23 (p. 32); 5431-24 (pp. 4–5); 5431-26 (p. 33); 5431-27 (p. 108); 5431-30 (p. 38); 5431-33 (p. 37); 5431-43 (p. 39); 5431-45 (p. 182)
КОЛЛЕКЦИЯ 6576 Фотограф неизвестен. 1946–1949 6576-17 (с. 73); 6576-20 (с. 188); 6576-24 (с. 189); 6576-25 (с. 217); 6576-29 (с. 104); 6576-85 (с. 90, 91); 6576-86 (с. 213); 6576-87 (с. 89); 6576-89 (с. 105); 6576-98 (с. 184); 6576-99 (с. 206)	COLLECTION 6576 Photographer not known. 1946–1949 6576-17 (p. 73); 6576-20 (p. 188); 6576-24 (p. 189); 6576-25 (p. 217); 6576-29 (p. 104); 6576-85 (pp. 90, 91); 6576-86 (p. 213); 6576-87 (p. 89); 6576-89 (p. 105); 6576-98 (p. 184); 6576-99 (p. 206)
КОЛЛЕКЦИЯ 8758 Фотограф неизвестен. 1977 8758-39 (с. 70)	COLLECTION 8758 Photographer not known. 1977 8758-39 (p. 70)
КОЛЛЕКЦИЯ 9864 Фотограф Б.С. Гамбург. 1977 9864-23 (с. 54); 9864-123 (с. 22); 9864-134 (с. 135); 9864-142 (с. 136); 9864-143 (с. 148); 9864-147 (с. 165); 9864-154 (с. 77); 9864-166 (с. 76); 9864-113 (с. 198); 9864-117 (с. 138); 9864-137 (с. 134); 9864-34 (с. 149)	COLLECTION 9864 Photographer B.S. Gamburg. 1977 9864-23 (p. 54); 9864-123 (p. 22); 9864-134 (p. 135); 9864-142 (p. 136); 9864-143 (p. 148); 9864-147 (p. 165); 9864-154 (p. 77); 9864-166 (p. 76); 9864-113 (p. 198); 9864-117 (p. 138); 9864-137 (p. 134); 9864-34 (p. 149)
КОЛЛЕКЦИЯ 9114 Фотограф Г.Е. Трапезников. 1961 9114-7 (с. 74); 9114-76 (с. 78, 79); 9114-81 (с. 92, 93); 9114-44 (с. 49); 9114-68 (с. 95); 9114-111 (с. 199);	COLLECTION 9114 Photographer G.E. Trapeznikov. 1961 9114-7 (p. 74); 9114-76 (pp. 78, 79); 9114-81 (pp. 92, 93); 9114-44 (p. 49); 9114-68 (p. 95); 9114-111 (p. 199)
КОЛЛЕКЦИЯ 9570 Из фотоархива ТАСС 1971–1973 годов 9570-20 (с. 164)	COLLECTION 9570 Photography archive of the TASS. 1971–1973 9570-20 (p. 164)

У ПОДНОЖИЯ НЕБА At the FOOT of HEAVEN

Проект «Разная земля». Том IV

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт», Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15